

АНЖЕЛА ГОРДО

ФАРО и
ЛОНГРИОН

Анжела Гордо

**Фентези о потерянном
принце, прекрасной принцессе
и бедном, влюбленном
барде Фаро и Лонгрион**

«Автор»

2026

Гордо А.

Фентези о потерянном принце, прекрасной принцессе и бедном, влюбленном барде Фаро и Лонгрион / А. Гордо — «Автор», 2026

Фаро собирался поступить в университет, стать великим изобретателем и однажды придумать мотор для самодвижущейся тележки. Но вместо этого он влюбился не в ту девушку, оказался в центре государственного заговора, подружился с беглым принцем, связался с драконами и неожиданно для себя начал спасать всех подряд. Пока Лонгрион балансирует на грани переворота, Фаро и его друзья отправляются в путешествие через пол мира, полные тайн, древних секретов и опасностей. Главное — успеть спасти ту, чье лицо ему снится раньше, чем станет слишком поздно.

Анжела Гордо
Фентези о потерянном принце,
прекрасной принцессе и бедном,
влюбленном барде Фаро и Лонгрион

Глава 1

Пролог

Так зарождается мечта

«Ты только представь, Фаро — голос Гоши дрожал от восторга. Город, который не стоит на земле, а раскинулся на воде, словно ожерелье из двадцати одного острова.

Каждый остров живёт своей жизнью, и всё же они вместе поют, как единый хор. Мосты соединяют их, будто струны золотой арфы. Ветер играет на этих струнах, и кажется, что сам город поёт.

В самом сердце Лонгриона сияет дворец — крыши его вспыхивают на рассвете, и лучи солнца разбегаются по улицам города во все стороны, заглядывая на все острова.

Ты бы видел заячьи острова! Там грядки ровные, как строчки в книге, а земля пахнет хлебом. Мыши трудятся на мельницах, а крысы вытаскивают из печей булки — такие, что запах заставляет слюнки течь, и даже солнце будто улыбается им. Бобры строят лодки и мосты, и пар от их котлов поднимается, как лёгкие облака.

Лонгрион — это город, где вода светится в ночи, будто хранит в себе тысячи звёзд. Город, где каждый найдёт уголок для своей души. Ты слышишь, Фаро? Там можно стать кем захочешь!

Главное перейти мост.

Бард по имени Фердинант. Он же скромный путешественник Фаро шесть лет спустя.

Это был самый странный город Срединных земель, о котором мне говорил дед.

Вместе с нашей семейной реликвией я получил и дедушкин гештальт. Баллада о Астерволе. Я напишу. Обязательно. Вот только из помойной ямы выгребусь. Пару королевств спасу. Вот тогда и сяду за творчество.

А пока только факты.

Когда-то в небольшое поселение Воланов с неба упал странный булыжник, и с тех пор город начал разрастаться, как грибы после дождя. Умные белки-летяги не позарились на быстрые деньги и прочие одномоментные радости. Они не отдали то, что упало к ним в загребушие лапки. Но и двери свои не закрыли перед любопытными носами. А наоборот открыли для всех жаждущих. И потянулась река учёных и прочих искателей в разрастающийся городок.

Учёные дали этому предмету имя — осколок упавшей звезды. Так город постепенно переименовался в звучный Астервол и стал негласным центром Средиземья.

Большинство его жителей были полноценными оборотнями — белками-летягами. Но вольный город был рад любым честным жителям: будь ты медведь или крыса — главное, приноси пользу и живи в мире с городом и лесом.

И именно поэтому город выглядел так, будто кто-то однажды начитался сказок и решил построить эльфийский лес вокруг озера, куда, собственно, и упал метеорит. И у них получилось.

Мой заплечный мешок, именуемый в Лонгрионе рюкзак, исхудавшей тряпочкой колыхается за спиной, напоминая о плачевном состоянии моих текущих дел. От усталости всё время хочется перекинуться в енота и залечь под первым попавшимся кустом. В животе уже два дня, как пусто. Нет уже ни голода, ни звонких трелей напоминающих о хлебе насущном. Дохляк, короче. Одна унылая философия бытия.

А я шёл и удивлялся. Как же всё чудно вокруг. Дома здесь не просто стояли рядом с деревьями — они срастались с ними. Стволы проходили сквозь стены, ветви становились балконами, а крыши порой начинались там, где у нормальных людей начинается паника — где-то на уровне крон высоченных сосен.

Некоторые дома вообще висели в воздухе, держась на ветвях, — огромные плетёные конструкции с витиеватыми лестницами, обвивающими толстые, многовековые дубы.

И всё же, как ни странно, улицы оставались вполне человеческими. Вymoщенные круглым речным булыжником. А вдоль дорог висели причудливые фонари. Только не газовые, как на юге, и не магические, как на севере — натуральные. Это были осколки той самой звезды, измельчённые до пыли. За день они впитывали энергию солнца, а ночью начинали мягко светиться голубоватым светом. Из-за этого город казался причудливым, немного потусторонним и абсолютно сказочным.

С деревьев свисали длинные, ветви плакучей ивы, переплетаясь между собой, как занавеси. Где-то они закрывали дома, где-то, наоборот, открывали проходы, о существовании которых ты узнавал уже после того, как случайно проваливался в чей-то подземный переход. Ой-ёй.

— Простите пожалуйста, заблудится.

— Не сходи с мостовой, ротозей!

Приходилось смотреть под ноги. А в остальном всё как везде: магазины, школы, магическая академия, лавки ремесленников и таверны. И люди. Довольно много людей.

Потому что, как бы красиво ни звучало «жить с природой на одном дереве», оборотни не могут вечно бегать в зверином облике. Иногда приходится спускаться вниз, ходить ногами, открывать двери руками, вести хозяйство и социальную жизнь. Человеческое тело у нас главное. И его надо кормить.

С того момента, как я пересёк ворота старой части города, я не боялся заблудиться. Все дороги этой странной, живой экосистемы вели в центр.

И центр здесь была не площадь, не рынок и даже не волшебное озеро. Центром была таверна.

Огромная, под лёгким куполом, больше похожим на амфитеатр, чем на крышу. Сюда стекалось всё: слухи, деньги, дела, авантюристы и молодёжь со всех Срединных земель. За новостями. За свободой. За заработком. Ну, и на учебу, конечно.

В Таверне пели оперные дивы, выступали бродячие труппы и, если повезёт, срывали неплохую деньгу. Но лучше всего покупались непридуманные истории.

Деньги мне сейчас были нужны. Очень. И желательно — уже вчера.

Но я пришёл не за этим.

Белки-летяги сами по себе были на вес золота. Потому что у этого народа была одна особенность. Милой её назвать сложно, но крайне полезной — вполне.

Они были сплетниками.

Это был почти национальный вид единоборства. Уровень — чемпион.

Стоило кому-то вполголоса рассказать историю — хоть половину, хоть один факт — и через час ты уже мог услышать её в другой части города но с такими подробностями, о которых сам не подозревал.

А к вечеру эта же история спокойно гуляла по другим городам Срединных земель, обрас-тая такими деталями, что становилось даже интересно, где именно ты в ней участвовал.

И это было идеально. Потому что иногда, чтобы информация разлетелась, не нужно кри-чать. Достаточно войти в таверну, взять свою бардовскую укулеле и рассказать свою историю.

А дальше белки всё сделают сами. С энтузиазмом. С фантазией. И, что особенно приятно, совершенно бесплатно.

Я спокойно дошёл до таверны и, удовлетворяя любопытство хорошеньких белочек в лет-них сарафанах с корзинами в руках, снял шляпу, поклонился и представился:

— Бард Фердинант к вашим услугам, барышни. Приехал с премьерой.

Девушки переглянулись, присели в поклоне и зашебетали одновременно. Одну, кажется, звали Дарой, другую — Маришей. Дальше пошли перечисления последних сплетен и прочие детали, которые я с улыбкой благополучно пропустил.

Я ногой открыл дверь таверны и вошёл в неё спиной — не теряя с болтушками зритель-ного контакта с дежурной улыбкой на своём несравненно красивом лице, до самого последнего момента.

Невежливо? Конечно. Вот такая я скотина.

Я закрыл перед ними дверь, отсекая бурный девичий энтузиазм — и подскочил от жут-кого крика:

— ФЕРДИНАНТ! Как ты посмел притащить свой полосатый хвост в моё заведение после пяти лет полного игнора?!

Неудобненько вышло.

Понятно же, что я не тот Фердинант — это дед мой красавчик. Был. Но от этого не легче.

Я тихо поднял руки вверх, вытягивая инструмент повыше, намекая на свою крайне мир-ную профессию, и медленно повернулся лицом.

За барной стойкой стояла довольно молодая женщина. Мои брови сами по себе поползли вверх. Ну, дед. Как же так?

Красивая женщина, я бы сказал, очень даже, если бы не убийственный оскал с острыми клыками и искромётный взгляд. Дамочка злилась. А я — не знал за что.

Она впилась взглядом в моё лицо, затем посмотрела на укулеле. Взгляд её потух. Она схватилась за сердце и осела куда-то за барную стойку.

Похоже, она поняла сразу две вещи: я — не он. И его больше нет.

А я понял, что дедушка, Фил Фердинант — настоящий маг-бард, — слишком мало рассказывал о себе.

Глава 2

Как создаются легенды

Как чудесно для меня сложилось всё в этом городе расскажу позже. Думаю это войдет в сказание о Астерволе. А сейчас я сижу на сцене перед многочисленной аудиторией на сытый желудок в обнимку с укулеле и робею. Никогда не выступал перед такой многочисленной аудиторией. Я посмотрел в зал, улыбнулся всем сразу и запел.

В далёкой северной стране, среди Скалистых гор-высот,

Где ветер на ночь у домов сугробы белые метет,

Где у подножья лес хранит все тайны жителей страны, а у ворот медведи служат,

И снег не тает до весны,

Где у ворот медведи служат, на страже той страны

Я посмотрел на открытые рты потенциальных спонсоров. На их огромные круглые глаза, на кислые нотки непонимания.

Кажется загнул я в высоком стиле и старой историей. Надо спускаться ближе к пониманию жителей города и сокращать прелюдию. Пока толпа не закидала меня шишками. Поэзия не их конек, да и не моё тоже. Им нужен свежачок.

Я встаю со своего места и тихо по секрету, дабы удержать интригу продолжаю.

И в замке под куполом магическим, где стража не знает сна,

Гдемышь не проскользнёт тайком,

И муха не пролетит туда,

Где каждая стена держит щит и каждый шаг под контролем —

В одну темную ночь пропал королевский ребёнок

Вы все помните господи об этой ужасной трагедии.

Наследный принц. Прекрасный белый горностаи Арлин.

Я нашёл его

СПУСТЯ ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ

Вот теперь мне удалось завладеть каждым ухом в этой таверне. Голоса стихли. И люди затаив дыхание, начали слушать мой рассказ. Но я уже не видел лиц, я уплыл за своим инструментом в глубь своих воспоминаний и потянул за собой своих благодарных слушателей.

Проход в Лонгрион не для всех

Ведомый детской мечтой стать инженером и создавать самодвижущиеся повозки, я дождался своего совершеннолетия и двинулся в город Солнца в университет. Я конечно понимал, что поступить на инженерный факультет не легко, но и не догадывался насколько тяжелым будет мой путь. Благодаря моей укулеле с гордым именем Фердинант, в каждой даже самой маленькой деревушке мне был обеспечен и хлеб и ночлег. Но это все пока я шел по нашим Срединным землям на юг. А дальше

О, великий город Лонгрион! В кошеле весело бренчали монеты, за плечами набитый всяким добром кожаный мешок. И я весь такой с открытой душой и улыбкой в тридцать два зуба добрался до большого подвесного моста. Вы бы видели эту красоту! Там купола на солнце золотом горят. Лонгрион!

Я весь в радужных ожиданиях с придурковатой от счастья улыбкой бодрым шагом ступил на мост. И прямехонько к постовому, что в будке сидит и документы проверяет.

Первое, что у меня пытаются отобрать в Лонгрионе, — не деньги и даже не мою шкуру, хотя шерсть здесь в цене. Да, да!

У меня просят отдать то, чем я дышу. Потому что я для них, я лишь грязь под ногами. И нет над ними закона, кроме своего собственного.

И это просто, за переход по мосту в город!

— Инструмент, — громыхнул басом начальник стражи и провёл пальцем по грифу, будто примерял магическую укулеле к своим толстым, как сардельки пальцам.

Меня аж передернуло. Это же магия рода. Я бард в седьмом поколении! Фердинант — это душа! Как можно отдать часть себя?

— Красивая балалайка. Оставляй и проходи.

Красномордый усатый барбос протянул руку желая отобрать мой инструмент.

— Проход — за укулеле? — Уточнил я, все ещё не веря в такое самоуправство.

— Именно. Музыка у нас бесплатна. Вход — нет, — страж громко расхохотался своей шутке и весело посмотрел на меня.

Тут до меня начало доходить насколько я был беспечен, что не проверил такие важные моменты, как разрешение на посещения города!

Я прижал укулеле к груди. Посмотрел на стража и понял — ему всё равно, что я скажу. Но все же по инерции проговорил:

— Я не могу продать укулеле, это семейная реликвия, и она часть меня. Но я могу заплатить за вход в город, как положено.

— Нет, так нет, — быстро согласился страж и даже руки свои убрал себе за спину.

— Но со своей балалайкой в город ты не пройдёшь. Не сегодня, ни в какой другой день. Это я тебе гарантирую, слово Стража Собакена, — ответил гад.

— Дорогу послу северных земель! — Протрубили у меня прямо над ухом и я от неожиданности отскочил в сторону, пропуская аккуратную коляску с гербом горностаев. И остолбенел от удивления. Карету тащили два оборотня быка с частичной трансформацией.

— А что, неразумные животные уже перевелись на этой земле? — подумал я вслух и незамедлительно получил отвел Собакена.

— Слыш, малёк, ты из какой дыры вылез, если не знаешь что неразумные животные в город попадают только в виде еды на стол уважаемым гражданам. Живым неразумным вход воспрещен. Впрочем разумным в животном виде тоже. Наши улицы чисты, ухожены и не для всякого мусора, — сказал и посмотрел на меня так, что я сразу почувствовал себя этим самым мусором у них на дороге.

Перед послем Собакен склонился так низко, что вот-вот поцелует мостовую своей не аристократической мордой.

Из кареты вылетела малая золотая монета и ее ловко подхватил законник.

Вот доберусь до почты и напишу письмо Гоше. Он все-таки авиация. Хоть и гусь, не последний человек в городе. Такой беспредел не может быть государственным, почему-то подумал я.

Я закинул Фердинант за спину и спустился по каменным ступеням — туда, где от воды тянуло холодом, а дальше по набережной виднелись дома разделенные узкими улочками.

Портовый полуостров с названием «Темные земли» был похож на улей в беспорядочном движении. Сначала ударил запах: рыбы, затем повеяло дегтем, мокрой верёвкой, кислым квасом, дымом. И звуки: глухой стук ящиков, чей-то смех вполголоса, скрип телег, толкаемых ослами и другими копытными.

Я так устал и был в глубоком расстройстве, что не заметил как частично трансформировался. А именно вылез мой пушистый хвост. Ничего страшного с точки зрения срединных земель не произошло. Как вдруг я услышал:

— Ей, енотик, ты бы хвост свой подобрал, если ты конечно не собираешься зарабатывать на еду, подметая хвостом эти улицы.

Я удивленно повернул голову и увидел на крыльце дома с большой табличкой на стене «Цирюльня» здоровенную женщину. И одета она была в мясницкий халат. Руки этой женщины были огромны. И сама она была похожа на воина, в её руках и шпага зубочисткой покажется. Только держала в руках она не оружие боя, а ножницы, похоже на садовые. Но точно ножницы. А я мальчик не только симпатичный, но и тренированный. Достаточно высокий и не трус. Был ей примерно по плечо. И тут немного струхнул. Она что, дракон?

Я застыл как кролик перед удавом, но секунд на пять, не больше. Моё природное любопытство когда-нибудь меня прихлопнет моим же хулиганским хвостом.

— Простите леди, а вы что людей стрижете этими ножницами?

В ответ раздался хохот больше похожий на раскат грома. Точно драконица.

— Я стригу шерсть с оборотней. И плачу хорошие деньги. Хочешь заработать паренёк?

— Н-нет, спасибо. Я не нуждаюсь.

Я ещё не переварил весь ужас этой информации, но уже ощутил опасность для собственной шкуры. Мой хвост мгновенно втянулся. Я одарил мастера самым почтенным поклоном и поспешил на запах готовящейся еды.

Мне нужна была таверна и ночлег. Не так я себе представлял Лонгрион. Город где сбываются мечты. Город на который у меня куча планов. Но я в него ещё не попал! Поэтому решил не делать поспешных выводов.

Я талантлив, умен и удачлив. Как всем известные северные пингвины, которые потерпели крушение из-за айсберга и случайно застолбили необитаемый остров с буйной флорой и фауной на южном побережье.

У меня были деньги и я надеялся, что в город можно попасть другим путем. По воде, наняв какую-нибудь лодку. На крайний случай встречу с Гошей, он сможет переправить Фердинант по воздуху.

Я воспрял духом. И решил заняться своим ремеслом. Пойду и дам концерт в таверне. Заодно соберу необходимый минимум знаний об этом славном месте.

Улица, что вела меня и других прохожих на запах готовящейся еды была старой, как и все дома стоящие на ней. Вывески на витринах заведений почти не читались: буквы были стёрты дождём и временем. На одной двери всё ещё различалось «у Билла». Из открытых окон заведения пахло теплом от открытого огня и той самой едой, что зазывала всю округу.

Это место называлось Бар и ничем кардинальным от наших таверн не отличался. Я открыл створку скрипучей двери и встретился взглядом с богиней за барной стойкой. Почему

я так решил? Она была в ярко красном платье, которое ничего не прикрывало, а лишь подчеркивало достоинства женской фигуры. Она легко работала сразу шестью руками и ее раскосые глаза имели сетчатую структуру. Она была прекрасна и пугающе ужасна одновременно. Да и цвет её кожи был матово угольным. У меня от увиденного даже в горле пересохло и я сам не понял зачем спросил не своим, осипшим голосом:

— А, где Билли?

В баре сразу выключился весь звук и я подумал, что внезапно оглох. Но потом услышал скрипучий, веселый голос:

— Был Билли, да весь вышел, сейчас вдова Паука здесь хозяйка.

Я не понял кто это сказал. И понятное дело, что ответа от меня никто не ждал. Мадам Паука, а это без сомнения была она, кинула быстрый взгляд на мою укулеле и продолжила разливать напитки.

Я медленно стал продвигаться к барной стойке. Слева у окна я заметил двух обедающих стражей. У стены расположились работяги. По тому как много мисок с кашей перед ними стояло, я сразу определил их, как тягловые.

— Играешь? — спросила она скрипучим голосом с сильным восточным акцентом, глядя прежде на укулеле, потом на руки.

— Играю, пою, рассказываю.

— Это можно, но на монеты сильно не рассчитывай, беднота у нас всеобщая, люди работают за еду — вот стул у печи и пирог с рыбой или каша.. Разве что, шерсть со звериной ипостаси имеет ценность в этом городе. Да, кстати, что ты за зверь, парнишка?

Я решил сразу обозначить свою позицию. Но не сильно хамить. Эта женщина вызывала у меня оторопь. Может она владеет гипнозом? Вон глазища какие! Но пережить эту ночь мне хотелось в кровати.

— Я бард, поэтому сыграю и спою. Стричься не буду. Ночлег оплачу сам.

Я взял стул, что одиноко стоял у стены, приставил его к возвышенности у барной стойки, сел и задумался. Сидевшие в зале были усталыми и тихими. В углу у камина за отдельно стоящим столиком со скатертью сидела леди кошачьей породы в шёлковом платье и шерстяном накинутом на плечи плаще.

— Сказание о городе-Солнца. О том, который отражается в воде, и о котором хочется мечтать, — объявил я.

По умному, мне бы сначала заселиться, умыться и покушать. Но я и сам не понял почему решил так.

Я начал наигрывать милую мелодию. Пальцы гладили струны Фердинанта, слова летели вслед мелодии.

На втором куплете кто-то вздохнул, на третьем — усмехнулся. Смех был не злой, а застывший, снисходительный к молодости и наивности — как у людей, которые уже забыли как мечтать.

Я рассказал как будучи пятнадцатилетним парнем случайно услышал непонятный звук, затем крик в небе, поднял голову и увидел падающий комок перьев. Я побежал спасать, без понятия чем я могу помочь. Гусенку повезло и он упал в заросли кустарника. Он выжил, но сломал крыло и получил ранение в голову. Я притащил его домой и мои родители его выносили. Так у меня появился друг. И он живет в Лонгрионе.

Дальше я немного спел о городе нашей мечты и меня подняли на смех. Люди начали неприлично ржать, топтать ногами и завывать. Но были и такие кто подходил к барной стойке за выпивкой и похлопывал меня по плечу.

Я потерпел полное фиаско и замолчал. Ни одна самая маленькая медяшка не упала ко мне в чехол для укулеле. Впервые у меня случился столь грандиозный конфуз. Я убрал укулеле и

собирался оплатить комнату. Но мои карманы оказались пусты. И я совершенно не мог понять где я обронил свой кошель.

Мадам Паука молча поставила передо мной запакованный пирог с рыбой и бутылку кваса.

— Лучше тебе парень сегодня поест в другом месте. Здесь место, где люди теряют надежду. И ты их разозлил. Все мои комнаты на сегодня уже заняты.

Заходи через пару дней, но с другим репертуаром. Монеты в наших местах не ходовой товар, разве что за шерсть. Леди Маргоша из цирюльни даст тебе пять золотых, если ты пушистый и красивый. Сразу в город попадешь. Ты же туда собираешься, учиться?

Я стоял и смотрел на большой сверток из которого вкусно пахло пирогом и никак не мог понять где же я свернул не туда и куда делся мой кошель.

— Шерсть мне и самому нужна, — пробормотал я.

Барменша пожала плечами, как человек, который посоветовал разумный выход и не обиделась на отказ. Или как прорицатель, который понимает, что рано или поздно, но клиент все равно придет. Деваться здесь некуда. А развернуться и уйти от куда пришел. Не-а. Слишком ярко светили огни Лонгриона. Государства что расположилось на двадцати одном острове в лагуне с лазурной водой.

Забрал самый дорогой в мире пирог, за самое провальное выступление и тихо пошел на выход.

Стражники за столом спорили, кто из них «сегодня провел самую успешную сделку на границе». Люди молча прикладывались к кружкам, как к компрессу. И жевали кашу с мясом кого-то неразумного. Вопреки всем сказкам про травоядных — копытные оборотни с удовольствием упортебляли в пищу все, на что им хватало заработка.

Леди у камина улыбнулась мне уголком рта — то ли из сочувствия, то ли из привычки улыбаться приличным людям.

Уже на выходе из бара услышал мелодичную речь той самой леди:

— А, он милашка. Красив, статен и талантлив. Такой дорожный костюм стоит дорого. В какой стране бы он его не купил.

— А высокие ботинки на шнуровке! — хочу такие вставил, — свой медяк мужской голос.

— Удивительно, что такому парню не хватило денег на уплату государственной пошлины за проход по мосту в город.

Мне бы хватило на сто таких переходов, если бы не Собакен. Но кого это волнует.

Пирог оказался горячим и я выйдя на улицу сунул ужин в свой кожаный заплечный мешок. Пришел называется. Богач. Пятьдесят больших золотых обронил. Где теперь деньги искать? Кошель нормально привязать не смог. Облажался по всем фронтам.

Тоже мне путешественник. А теперь я даже не понимаю, где буду ночевать! Мой желудок выдал недовольную трель и я решил найти укромное место, чтобы тихо покушать. На улице темно.

Я так сильно расстроился, что не заметил, как дошел до набережной, а там уже и этот чертов мост.

Днем на мост мне забраться не удалось. А к вечеру я оказался под ним и совершенно нищим. Было бы смешно, если бы не так грустно.

Я присел на ступеньку у воды. Пробежался пальцами по струнам укулеле, и под красивый закат решил набросать пару куплетов из прожитого дня.

«А мне пирог за песню»

— Осторожнее, ты чуть не наступил на меня, — пропищал голос из тени. — Я сюда первым пришел.

Из большого деревянного ящика, который я почему-то раньше не заметил, поднялась лысая морда. Сначала — тень крысы, потом — что-то совсем не крысиное. На меня смотрел лысый оборотень в странной звериной форме. Жуть какая. Я так и не смог определить этого

зверя. Затем он переплыл в человека в очень ветхой и не очень чистой одежде. Сначала мне показалось, что у него кристально белые волосы, но нет через секунду он стал обычным русым с зеленой короткими волосами.

— Вомби, — представился он. — Маг. Владелец подвижности формата «ящик». Чем полезен?

— Фаро. Бард. Немного инженер.

— Музыкант — слышал. А у тебя правда есть пирог?

Я сел на камень. Сегодняшний день был настолько неординарен, что удивляться я уже устал.

— Представляешь, в баре предложили сдать шерсть с моего енота, затем я потерял где-то кошелек и в итоге моя баллада вызвала бурю протеста. Спасибо доброй мадам Пауке, что хоть пирог дала с собой.

Я открыл свой дорожный мешок, достал свёрток и предложил парню половину.

— Мне нечем тебе заплатить, — сказал он не отрывая от пирога голодного взгляда.

— Как же нечем, пусти меня в свою подвижность на ночь и послушай мою балладу, может скажешь, что их всех так взволновало?

Я посмотрел на парня и подумал, что скоро осень, а у него даже надеть нечего, а говорит он как нормальный образованный человек. Да ещё и МАГ!

Где-то наверху пробил колокол. Через минуту второй. Над нами скрипнул механизм. Камень рядом дрогнул — мост пошёл вверх.

Я поднял голову. Середина моста раскололась разделяясь на две половинки и медленно начали раскрываться. А с самой большой башни центрального острова выстрелил луч света и мириадами звёзд начал образовывать купол. Который плавно покрывал острова на той стороне.

— Красиво, — сказал я.

— Полезно, — поправил Вомби. — Когда мост поднят, двадцать островов накрывает магический защитный купол. Ни муха не пролетит, ни магический импульс не попадет внутрь. Жители Лонгриона надежно укрыты от неприятеля.

— Вомби, а ты здесь давно? — спросил я, когда мы собирались укладываться на ночлег.

— Неделя. Но, как ты видишь, заработать на переход в Лонгрион не получилось. Да и не могу я на мост. Потом объясню. Давай спать. Перекидывайся. Той магии, что у меня осталась, достаточно чтобы нас здесь никто не заметил. А в человеческом виде в ящике не выспишься.

Ну, что я могу вам сказать. За эту ночь я понял, что совсем не знаю этот мир. Одним словом лох с ушами и красивой мордашкой. Где красота — это минус, а не плюс.

Что кошелек у меня подрезали профессионалы мадам Пауки во время выступления. И что она здесь владеет ткацкой фабрикой, скотобойней, складами, причалами. А люди на этом двадцать первом острове, он же «Темные земли» — её собственный ресурс. Власть Лонгриона сюда не суются, а те что власть кормятся с рук мадам Пауки и сплетены в сеть так крепко, что остается делать вид, что всё идеально. Так что покинуть этот пригород можно только чудом.

Глава 3

А тем временем в Лонгрионе на острове под звучным именем Птичий базар

Гоша летел.

Нет, не так.

Гоша ЛЕТЕЛ с тем самым видом, будто он не просто гусь, а как минимум главный навигационный гений всего Лонгриона. Крылья — огонь, грудь колесом, клюв чуть задран вверх, как будто он уже мысленно подписывает какие-то важные документы в компании Гаро-экспресс.

Под ним проплывали острова Лонгриона — один за другим.

Мосты, мосты и опять мосты, кто-то махал снизу, кто-то орал что-то вслед — но Гоша, разумеется, не слушал.

— Да знаю я, знаю — пробормотал он себе под клюв. — Сейчас налево, потом эээ потом, значит, туда.

Он уверенно свернул.

Проблема была только в одном.

Он вообще не имел понятия, куда свернул.

Но Гоша был неисправимым оптимистом с легкой придури.

Паника — это для тех, у кого нет опыта. А у Гоши опыт был. Огромный. Он уже четыре раза подряд не туда доставлял посылки, и ничего — мир не рухнул.

Пока.

Крылья подхватили восходящий поток и Гоша довольно прищурился.

— Ну вот, — сказал он сам себе. — Всё под контролем.

Снизу в этот момент нарисовался огромный склад. И причал порта. Люди бегали, что-то орал. Рабочие доков носили вонючие бочки.

Гоша посмотрел. Прищурился. Принюхался. Ой

— Так а это что за место?.. Фу, кажется что-то сдохло. А на базаре рыба, по цене козлана. Странности какие.

Он сделал круг. Потом ещё один.

И тут его осенило:

— А-а не, это точно не туда. Это же — Тёмные земли!

Он резко развернулся, как будто именно так и было задумано.

— Проверял. Просто проверял.

В кармане его курьерской сумки с надписью «ГОША» тихо шуршал запечатанный мешок с печатью для Гаро — экспресс — важный с пометкой «доставить срочно».

Гоша о нём, конечно, помнил. Просто

Он был почти уверен, что уж до дому он долетит за пару взмахов крыла.

Гусь-оборотень снова выбрал направление. На этот раз — с ещё большим внутренним убеждением.

— Всё, теперь точно. Вот же самый большой мост! А за ним и наш птичий рынок. Надо же! Я наконец попал куда надо!

А тем временем, по другую сторону пролива, на богатом острове за дверями «Гаро экспресс» кипела своя жизнь.

Гаро гордился своей репутацией: «надёжно, законно, быстро».

Только близкие знали, что иногда одно из трёх выпадало.

Дядя Гаро в этот момент медленно поднял голову от бумаг и глянул в окно из своего любимого кабинета.

Он некоторое время смотрел в небо, как будто пытался на расстоянии определить, насколько всё плохо.

Получалось — очень.

— Этот идиот — тихо произнёс он, потирая переносицу. — С его топографическим кренинизмом, он никогда не сможет летать дальше пары островов от Птичьего рынка.

Он откинулся в кресле, тяжело выдохнул и уставился в потолок.

— Летать он, значит, хочет — пробормотал он. — Да он даже падать в нужном направлении не умеет.

Мысль пошла дальше, уже более практичная, как и положено человеку (и бывшему летчику на доставке), который привык решать проблемы, а не просто ныть.

— Так ладно. Надо его с воздуха снимать, — рассуждал он вслух. — Пока племянш нам чего-нибудь не доставил не туда.

Он начал перебирать варианты, загибая пальцы.

— Почтовая станция сортировка приём заказов Или вообще на склад посадить. Там хотя бы стены есть. Потеряться сложнее.

Он замолчал на секунду, прищурился.

— Хотя с его талантом он и там сможет натворить неразберихи.

Гаро вздохнул ещё раз — уже глубже, с тем самым выражением, когда ты понимаешь, что это не случайная ошибка, а полномасштабная беда. А рос Гоша самым талантливым парнем на птичьем рынке. Но то странное падение и несчастный случай с семьей его сестры в Срединных землях изменило для Гоши все.

Он уже потянулся к следующей стопке бумаг, как вдруг

Тук-тук.

Гаро замер. Очень медленно поднял взгляд на дверь.

— Нет — тихо сказал он. — Только не говорите мне, что он потерял товар.

Стук повторился. И заставил владельца самой крупной почтовой компании Лонгриона поморщиться.

— Ну — пробормотал Гаро, откидываясь в кресле.

Он уже собирался разразиться заготовленной тирадой, даже вдохнул поглубже.

— Даром что племянник — процедил он сквозь зубы. — Любого другого я бы уже давно из авиации вышвырнул на улицу и вообще из города.

Рука сама собой потянулась к столу — то ли к бумагам, то ли к ящику где была припрятана бутылка с медовой настойкой и драконьими сигарами.

— Входи, герой воздушных маршрутов, — добавил он уже громче, с холодной иронией.

Дверь приоткрылась.

Но вместо шумного, неуклюжего появления Гоши в кабинет тихо просочилась тень.

Гаро замер. Медленно выпрямился. Моргнул. И только потом перевёл взгляд на вошедшую. Он узнал её сразу. Не от страха — нет. Скорее от неприятного предчувствия, которое появлялось каждый раз, когда эта женщина оказывалась рядом.

Она стояла в тёмном плаще с глубоким капюшоном, который прятал добрую половину лица, оставляя лишь узкую полоску внимательных, чуть прищуренных миндалевидных глаз. ВЫДРА была правой Рукой мадам Пауки. С ней всегда приходили интриги. Неприятности. И, конечно же, деньги.

Гаро чуть напрягся и почувствовал, что руки его предательски вспотели. Плохой знак. Он открыл выдвижной ящик и достал сигару. Но на его лице с выразительными большими губами отражалась лишь профессиональная доброжелательность и уверенное спокойствие.

— Интересно — тихо сказал он, раскуривая свёрнутые табачные листья с драконьего острова.

— Сегодня вы ко мне с чем? С проблемами или ПРОБЛЕМАМИ?

Гаро позволил себе слегка приподнять одну бровь и выпустить дым в сторону собеседницы.

Выдра, другого имени Гаро не знал, остановилась у стола, плавно скинула капюшон. Короткая стрижка темных волос и взгляд — спокойный, почти ленивый. Но Гаро слишком давно жил на этом рынке, чтобы не понимать: цену этому взгляду.

— Господин Гаро — протянула она мягко, почти мурлыча, с лёгкой, едва уловимой насмешкой. Голос был странный: где-то между кошачьим урчанием и деловым предложением, от которого нельзя отказаться.

— У нас есть заказ, — сказала Выдра чуть повела рукой — и из складок плаща появился самый обыкновенный клубок ниток.

Серый. Шерстяной. Домашний до смешного.

Она покрутила его между пальцами и положила на край стола.

— Вот такого размера, — спокойно сказала она. — И примерно такой плотности.

Гаро посмотрел.

Потом ещё раз посмотрел.

— Вы сейчас издеваетесь? — сухо уточнил он.

— Нисколько.

Она слегка наклонилась вперёд, и в её голосе появилась та самая мягкая, почти убаюкивающая интонация, от которой обычно становилось только тревожнее.

— Сам предмет куда интереснее.

Гаро скривился.

— А я уже почти поверил, что вы пришли ко мне с вязанием. Гаро уже давно был вплетён в сеть мадам Пауки. Сначала — по мелочи. Одно поручение, второе, третье. Ничего серьёзного, ничего такого, за что можно было бы официально закрыть лавку. Зато достаточно, чтобы однажды понять: назад дороги уже нет.

Выдра проигнорировала.

— Наш клубок — Нить нестабильная. С магическим фоном. И, судя по всему, с очень интересными свойствами. А это — лишь форма и размер.

Она чуть коснулась обычного клубка кончиком пальца.

— А уважаемая мадам Паука не забыла насколько опасно перевозить магический груз через границу?

— Да, легальным путем не доставишь.

Гаро откинулся в кресле и по настоящему затянулся сигарой. Главный Гусь на Птичьем базаре откровенно нервничал.

Выдра позволила себе лёгкую улыбку.

— Нам нужно, чтобы ваш гусь — она чуть подчеркнула это слово, — перелетел за товаром в бар у Билли в Темных землях. Мадам Паука лично его встретит. И после второго гонга перелетел на Птичий базар. С вашей скоростью полетов — вы спокойно успеваете достигнуть светлых земель за пару минут. Риск минимальный.

Она продолжила спокойно, будто рассказывала о доставке хлеба.

— Получил клубок. Убрал его в почтовую сумку. И вернулся. Всё.

Гаро медленно покачал головой.

— «И вернулся с крайне запрещенным товаром», — повторил он. — Какая простая часть плана.

Выдра не спорила.

— Самая важная часть — время, — сказала она. — Переход между режимами. А дальше в лабораторию господина Мяо. Это на Университетском острове

Она снова подняла руку, словно расставляя невидимые метки.

— Знаю, где это, — вздохнул Гаро

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Три минуты.

Гаро молчал.

— Вы хоть понимаете, что это не просто незаконно? Это грозит потерей всего, что я имею!

— Понимаю.

Пауза повисла, плотная, как та самая нить.

Гаро провёл рукой по лицу. Затушил сигару. И на его лице отразился ярко выраженный отказ.

Выдра на мгновение посмотрела на обычную шерсть на столе, как будто видела сквозь неё что-то другое.

— Я слишком стар для таких авантур, — попытался отказаться Гаро.

— Вы всегда находите способ к решению проблемы, — добавила она тихо. — Поэтому мы и пришли.

Гаро не ответил.

— И, чтобы вам было проще принять решение, — продолжила она, — Мадам Паука просила передать Пятьдесят больших золотых.

Гаро открыл глаза. Медленно. Посмотрел на неё.

Потом — на клубок.

И очень тихо сказал:

— За шерсть такие деньги не платят.

Выдра чуть склонила голову.

— Мадам Паука будет ждать гуся сегодня вечером.

Выдра чуть склонила голову, словно подтверждая сказанное, и мягко отступила назад.

Она умела исчезать не только из комнаты, но и из памяти.

Гаро моргнул — и понял, что в кабинете снова один. Лишь кожаный кошель с вышитым орнаментом в стиле Средиземья лежал перед ним на столе.

Ни шага, ни скрипа двери, ни даже лёгкого движения воздуха.

Он некоторое время сидел неподвижно, глядя перед собой, словно проверяя, не почудилось ли ему это.

Но мешок не собирался исчезать. Гаро приподнял его на вытянутой руке. И судя по весу там лежала вся сумма.

— Вот и долетался старый Гаруша, такими темпами я буду доставлять письма на кроличьем острове, или вообще скручивать сигары на драконьем, — тихо сказал он.

И в этот момент с площади перед конторой раздался грохот. Что-то тяжёлое рухнуло. За этим последовал треск падающих ящиков и отчаянный крик:

— ПАПА-А-А!

Гаро закрыл глаза. Медленно досчитал до десяти. Хорошо, что его сын уже второй год учится в университете на картографа — логиста. С такой профессией за его судьбу можно не волноваться.

— Гоша прилетел. Кто бы сомневался, — сказал себе под нос Гаро.

Где-то внизу продолжали греметь коробки, кто-то ругался, кто-то пытался спасти остатки товара.

Гаро поднялся из-за стола, тяжело выдохнул и направился к двери.

— Всё, — мрачно подвёл он итог. — Вот и наш кандидат на «три минуты до закрытия». Остров виден, промахнуться невозможно. Хотя, для Гоши всё непредсказуемо.

Он на секунду остановился, взял со стола обычный клубок, повертел его в руках.

— Главное, чтобы в этот раз он хотя бы перелетел пролив. А здесь на светлых островах пошлю любого рядового гуся до лаборатории Мяо.

Глава 4

Фаро. Утро было ужасным

Не катастрофическим, не трагическим — просто таким липким. Когда ты вроде проснулся, но лучше бы не просыпался.

Вот казалось бы — обычное дело для оборотня. Заснул в образе енота под кустом в лесу. Проснулся — свеженький, здоровенький, вокруг пахнет травой, и ты весело бежишь дальше.

Вот удивительное дело, я вам скажу. Утро под мостом добрым не бывает.

Сырость, тень, мрак — и где-то рядом на мосту уже шляются Собакены. Надо же! Мы проспали таинство соединения моста!

Ладно. Надо уже что — то решать. Не знаю как Вомби, а мне одной этой ночи вполне хватило.

И еще лысый Вомби ко мне всю ночь прижимался. Я сначала думал, что это сон. Ну, мало ли, что может присниться утомленному в дороге барду. Но нет. Утро ничего не изменило. Открыв глаза, я встретился нос к носу с крысенышем. Тут я осознал всю ситуацию моего бедственного положения.

Мы вылезли из ящика, побряхтели, потянулись, я стряхнул с себя опилки, какое-то время просто стояли, смотрели на воду, как будто она могла нам что-то объяснить.

Не объяснила.

Зато Вомби — объяснил свою лысость.

Мы перекинулись.

Я автоматически достал из своего мешка хлеб, сыр и мед. Спасибо тетушке зайке, что приютила меня в последнем поселении Срединных земель и дала в дорогу, достаточно еды. На всякий случай. Соорудил нам завтрак и развесил уши.

Как выяснилось, шерсть он продал.

Три дня назад.

Леди Маргоше.

Я сначала не понял о ком он говорит. Но перед глазами проявилось чудовище с секаторами в руке. Брр.

Потом понял.

Потом переспросил.

Потом понял ещё раз, но уже с чувством.

— Подожди, — говорю, — ты серьёзно продал себя?

— Частично, — спокойно отвечает он.

И стоит такой. Спокойный. Как будто это вообще нормальный бизнес-план.

Оказалось, что ему дали три золотых. Потому, что на нем была иллюзия лохматой крысы и леди посчитала, что шерсти с него — клоч, буквально.

Но этих денег, по его расчётам, должно было хватить, чтобы попасть в город. И Вомби не стал снимать с себя иллюзию.

Нормальный расчёт. Я бы тоже так подумал.

Но ему добрая дракоша объяснила, что для таких нищих, как Вомби — проход закрыт. Ведь перекинуться в городе в животную ипостась — строго запрещено. Ночевать на улице — строго запрещено. Просить милостыню — запрещено. И работать без лицензии — запрещено. По крайней мере на большинстве из центральных островов.

А на таможне для иностранцев, которые «непонятно кто и откуда» — вообще пять золотых могут попросить.

А маги должны зарегистрироваться в Лонгрионе в академии и получить разрешение на въезд.

Я на этом месте даже перестал жевать.

— А как зарегистрироваться в академии не попадая в эту академию? — говорю. — И пять золотых за вход? Да на эти деньги пару месяцев полный пансион можно жить! Вдвоем!

Он кивнул.

— Справедливо, — добавил он.

Я чуть не подавился.

— Справедливо?!

— Они не знают, кто я. И не обязаны рисковать.

Я посмотрел на него. Потом на его изношенную одежду. Когда-то она была не самой дешевой. Но время и кочевой образ жизни ее добило.

Потом снова на него.

— И ты решил продать шерсть. Все равно?

— Да.

— Леди Маргоше.

— Да.

— Которая скупает всё, что хоть немного можно состричь?

Он чуть пожал плечами.

— То, что мне не хватит, меня не пустят из-за бедной и старой одежды и я как маг не зарегистрирован, я узнал после сделки.

Я хмыкнул.

— Ну да. Своевременно поданная информация, ничего не скажешь. Но спасибо и на этом.

Я вспомнил вчерашнего «голодного» Вомби и тут же решил прояснить ситуацию.

— Послушай, а почему ты голодный, если у тебя в кармане целых три золотых? Это же огромные деньги, особенно для этих мест, — спросил я.

Он усмехнулся, но без радости:

— Ты смеёшься? С одного золотого мне никто сдачи не даст. А как только я покажу, что у меня есть деньги, меня тут же обворуют.

Он оглянулся, понизил голос:

— Уже два дня люди мадам Пауки рыщут — по ночлегам и прочим местам, где обычно тусуются такие как я. Деньги в Темных землях долго в кармане не задерживаются. За три золотых тут и убить могут. Я сначала тебя принял за ищейку. Прости.

Мы немного помолчали.

— Значит, просто так в Лонгрион не попасть, — сказал я.

— Почти никому, но ты бы прошел, если бы дал на лапу стражнику пять больших — ответил Вомби. — Одет богато, кошель, наверняка на поясе висел толстый. Говорил, что идешь учиться. Ты бы точно прошел.

Я кивнул.

— Пятьдесят больших золотых на учебу папа дал. Он у меня знаменитый на всю округу кузнец. Кстати медяшки у меня еще остались в чехле моего Фердинанта. Совсем из головы выпало. Но у нас с тобой другой путь.

Он чуть улыбнулся. Я вздохнул и посмотрел на свой рюкзак. Там лежала куча всяких механизмов. И веревка заговоренная. Да и так, по мелочи. Вомби посмотрел на меня.

— Магия под контролем, маг — это стратегический ресурс государства.

— Говоришь, как государственный деятель. Ты где обучался? Вомби поморщился. Но не ответил. Мне стало очень любопытно. Но я не стал переспрашивать. Похоже парню сильно досталось. И доверия я ещё не заслужил.

Я выдохнул. И сказал о чем думал, совершенно невпопад.

— Прощай университет. Привет взрослая и тяжелая жизнь. Надо встретиться с Гошей.

Мы оба подняли головы. День начинался. Солнце вовсю светило в золотые купола высоких дворцов. И весь город как-будто переливался яркими солнечными зайчиками.

— Значит так. У нас есть мост, который нам не открывается. Есть город, который нас не хочет. Но нам туда надо! Там Университет, твоя легализация и моя мечта.

— Звучит как начало гениального плана, — заметил он.

Я усмехнулся.

Мы стояли под мостом, и честно говоря, выглядели как два пингвина, которые потерпели крушение и сейчас дрейфуют на деревянном куске корабля.

Я аж подпрыгнул от своей мысли, что если

— Вомби, а что если нам переправится через пролив самим, я посмотрел на его ящик и прикинул расстояние до противоположного берега.

Вомби проследил за моим взглядом и помотал головой.

— Если ты хочешь преобразовать мой движимый дом в плот, то говорю тебе сразу — он не подходит. Я приплыл в трюме иностранного корабля в этом ящике. На нем нет печатей бобров. И этот ящик не может быть спущен на воду в Лонгрионе. Нас сразу опознают как нелегалов, еще на этой стороне.

Я совершенно ничего не понял. Но совершенно ясно, что Вомби знает о чем говорит. И большую часть необходимой для побега информации, я узнаю от него. Как же мне везет на хороших людей!

— Ладно. Начнём с простого. Сделаем из тебя приличного человека.

Вомби посмотрел на меня с лёгким сомнением.

— Это амбициозно.

Я оглядел его.

— Нет, если ты немного подправишь нам черты лица, нас никто не узнает, а одежда у меня еще имеется.

С этими словами я залез в свой рюкзак и достал второй комплект одежды. Потом легкие мокасины и порадовался, что у Вомби размер ноги не больше моего.

— Ну вот, — сказал я. — Уже почти лорд.

— Почти, — повторил он и горько усмехнулся.

Преобразившийся Вомби выглядел лет на десять старше и намного представительней. У меня же из золотисто-рыжего с черной семейной прядью, волосы стали пепельно — серыми и моя одежда стала похожа на бархатный камзол представителя торговой компании. Плащ, что мне пришлось нести в руке прикрывал Фердинант.

Я встал, ещё раз посмотрел на поток рабочих, уходящих по мосту в сторону первого острова именуемого Птичий базар и спросил.

— А, как проходят эти обозы? Тоже платят по два малых золотых за проход?

— Все торгаши платят государственную пошлину и получают пропуск на свой товар. На мосту есть артефакт, определяющий магию и истинность разрешения. Так что мы по любому в полете.

Ну, нет так нет. Мне совершенно не хотелось мочить свою шкуру в воде и я постоянно искал лазейку для наземного перехода. Или воздушного.

— А если нанять воздушный транспорт?

Вомби посмотрел на меня круглыми глазами, как на парня свалившегося с Астероида. Того что упал в Астервол.

— А воздушные перевозки людей, еще никто не придумал. Есть грузы, но их вес не превышает половину веса птичьего народа. Самые тяжелые летающие оборотни — это лебеди. Но я здесь ни одного не видел.

— А драконы?

— Драконы? Эти огромные рептилии? Ты, что сказок начитался? Драконы не умеют летать. Прыгать, плавать, бегать, дышать огнем. Но не летать. У них даже крыльев нет, — сказал Вомби, как выплюнул.

Да, похоже этот миф я разоблачил, просто шагая рядом с Вомби в направлении к главным улицам Темных земель. И чего он так разозлился. Ведь сказки о летающих драконах всем детям читают. По крайней мере в Срединных землях.

Глава 5

План и его реализация почти всегда отличается

Я заскочил в голубиную почту и отправил письмо Гоше в Гаро- экспресс. К полудню мы с Вомби уже были намного умнее. Вернее я стал умнее. Вомби и так был слишком хорош.

Все норки, которые владели лодками, баржами, плавучими платформами — ходили под мадам Паукой. Формально — независимые. Фактически — часть сети.

И это было не самое интересное. Самое интересное — как здесь платили за работу.

Никак.

То есть, если ты работал — ты получал еду. Если повезло — крышу. Если очень повезло — можно сработать на бартер.

Деньги в этом уравнении отсутствовали.

— Работают за миску, — сказал я, глядя, как очередная партия разгрузчиков — таскает ящики.

— За проживание, — поправил Вомби, — тягловые работают на пансион с двухразовым питанием.

Выездные в светлые земли имеют монеты на кваско от довольных их работой торгашей. Основное заказчики платят в контору мадам Пауки. Но работягам хватает даже завести и содержать семью.

Я кивнул.

— Романтично.

— Скорее грустно. О таком не могут не знать государственные работники со светлых островов. Технически Темные земли это двадцать первый остров Лонгриона. И здесь обязательно должен быть представитель Магистрата. Только я не нашел даже где он должен принимать.

Так, шагая по улочкам этого городка мы услышали, что у норок случилась неприятность, они сдали мышам с белых земель лодку в длительную аренду. Считай продали. И та лодка, груженная хлебом не достигнув драконьего берега, затонула.

Если бы шли к базару, то это дело быстро бы замяли. Но Драконы не дождавшись хлеба, подали жалобу в магистрат. И по странному стечению обстоятельств не на мышей, а на норок. Магистрат арестовал часть судов клана норок. Вот поэтому такая суeta. Склады проходят быструю инвентаризацию. Рук не хватает. И часть улова с рыбацких островов просто не успела попасть на базар.

Вот так в этой жизни и бывает. У одного случилась беда, у нас появилась маленькая лазейка.

Каждая официальная бочка в Лонгрионе имела магическое клеймо. Такое же как любое плавучее средство.

Клеймо или печать — это допуск на воду. Плавающий пропуск на воды Лонгриона.

— Подожди, — говорю, — если я куплю лодку

— Ты её не купишь, — спокойно перебил Вомби.

— Почему?

— Потому что Бобровы продают лодки только Норковым. У них на это монополия. А норки сейчас никому и бочку не продадут.

Я немного подумал. Слова он говорил умные и мне непонятные. Я уже открыл рот для следующего варианта, как Вомби меня перебил.

— Не достанешь. По крайней мере легально.

— А если я поплыву на бочке?

Он посмотрел на меня.

— Если она с клеймом и была продана тебе норками с документом — тебя пропустят.

Я замер.

— То есть — медленно сказал я, — лодка — это проблема. А бочка — это решение.

— Да, но купить пару тройку бочек в доках и не привлечь внимание мадам Пауки — не получится. Надо предоставить бумаги о товаре, который хочешь туда поместить. И заплатить пошлину.

Я посмотрел на пролив.

Потом на склад. От которого жутко несло тухлятиной. Потом снова на воду.

— Гениально, — сказал я. — Абсолютно гениально.

Вомби непонимающе посмотрел на меня.

— Нам не нужны деньги. Нам не нужны разрешения. Нам нужны бочки с клеймом. Желательно — четыре.

И главное не привлекать внимание. Не воровать, а взять хитростью и с документом.

— И в чем заключается хитрость? — не оценил моего энтузиазма Вомби.

— Переодеваемся в твои лохмотья и у меня есть простая не совсем свежая рубаха и рабочие штаны. Нам нужна работа, за которую платят бочками.

— Вонючая работа, за которую никто бесплатно не возьмется, — подхватил, начиная понимать мой план Вомби.

Мы направились в сторону склада, где одиноко стояла работница.

Бедная, несчастная молодая девушка — судя по всему, из расы выдр — имела крайне жалкий вид: нос распух, глаза слезились. Она была на грани истерики. И не знала, как исправить ситуацию. И, как легко можно было догадаться, желающих за еду очищать бочки от тухлой рыбы не находилось, а платить ей было запрещено.

И именно в этот момент мы к ней и подошли.

Я постарался придать себе максимально голодный и несчастный вид и почти промямлил:

— Уважаемая, не найдётся ли у вас работы для двух путников? Нам бы сегодня хоть что-нибудь поесть

Девчонка окинула нас с Вомби пристальным взглядом: сначала — лица, потом — одежду и остановилась на ботинках.

Вот тут-то я и прокололся.

Вомби это почувствовал мгновенно и, не моргнув глазом, «исправил» ситуацию — добавил моей шикарной обуви пару потёртостей и аккуратных дырок. Разумеется, чисто визуально.

Девочка удивленно моргнула. После этого она чуть расслабилась и сказала:

— Понимаете у меня есть работа только для очень сильных и храбрых молодых людей. Но, как вы понимаете, заплатить я вам могу пирогом с рыбой. Или даже с мясом. Могу с собой дать мяса и сыра да хоть мешок картофеля заморского, но больше — ничего.

Мы переглянулись, сделали вид, что всерьёз задумались, и спросили:

— А какая работа?

Она скривилась и молча показала рукой на стену

От неё не просто пахло — от неё невыносимо несло тухлой рыбой.

Мы совершенно искренне скривились и уставились на неё самыми жалобными глазами, на какие только были способны.

— Ну как же так?.. — протянул я. — Тут же работы на целый день а оплата такая, что, может, нам лучше поискать что-нибудь почище? Девочка заметно нервничала и, собравшись, приняла — как ей казалось — волевое и правильное решение.

— А знаете я могу заплатить вам бочками. Настоящими, с печатями. На большой земле они стоят ну, очень хороших денег. Может, даже пол золотого за штуку хотя это, конечно, много Но бочки — почти новые, крепкие там, может быть, даже

Она запуталась, но упрямо продолжила:

— А если получите две — это уже целый золотой. Это очень-очень хорошая оплата за такую работу!

Мы снова скривились.

— Да зачем нам бочки? — протянул я. — Эта работа стоит куда дороже. Это же ужас — так работать! Мы будем так вонять потом ещё где-то мыться, стирать вещи. Сушиться. Ведь у нас нет другой одежды. Нет, пожалуй, бочки можно взять. Но малова-то, вам не кажется? Мы сделали пол оборота собираясь ретироваться.

И тут девчонка почти выкрикнула, не выдержав:

— По две бочки на каждого! Официально!

Она даже шагнула вперёд и торопливо добавила:

— И документ выпишу — что вы их честно заработали!

Мы посмотрели в сторону бочек с тухлой рыбой. С очень тухлой рыбой. Я вдохнул. Изобразил страдальческий вид.

— Ну, хорошо — протянул я, будто уступая.

— Но еду — вперёд. И мешок этой И документы на бочки — тоже вперёд, — проговорил Вомби.

Я развёл руками и подхватил идею:

— Сами понимаете, сейчас вы сказали одно, а потом передумали — и ищи потом правду в магистрате. Оно нам надо?

Я чуть выпрямился, понял что Вомби мозг и мне оставалось лишь удержать свое лицо в соответствии с ситуацией.

Вомби выдержав паузу, с лёгкой улыбкой кивнул.

— А мы, как джентльмены, обещаем выполнить свою часть соглашения, — произнес мой друг.

Его поднятая ладонь слегка заискрилась. И девушка поняла, что это было магическое соглашение. Теперь, она не могла отступить. Выписала акт владения и поставила торговую печать норок. И поспешила удалиться подальше от этой вони.

Фух. Я в этом чудовищном месте не полные сутки, а уже понял, как все сложно в этом Лонгрионе.

— Прекрасно, — сказал я глядя на карточку. — Просто прекрасно, Вомби, чтобы я без тебя делал?

— Я без тебя бы умер с голоду. Или пришлось бы оплатить мадам Пауке пансион на пару недель, может месяц. А дальше бы шерсть отросла и все по кругу.

Я снял свой мешок, Вомби назвал его «рюкзак» и положил рядом с Фердинантом. Стараясь не думать о такой ужасной перспективе.

— Ну что, компаньон, — решил сменить тему на более оптимистичную. — Пойдём зарабатывать на наш первый флот.

Вомби кивнул.

— Пойдём.

И мы приблизились к бочкам.

К тухлому запаху, который, судя по всему, должен был стать началом нашего успеха.

Во время работы, мы не говорили. Мы повязали на лицо шейные платки. Не хотелось лишний раз открывать рот. Но очень хотелось быстро сделать свою работу. Зарыть эти отходы и благополучно забыть.

Я лишь понадеялся, что завтрак, который у нас был пару часов назад, оказался достаточно лёгким и уже успел перевариться. Потому что содержимое бочек вызывало такие позывы, что удержаться было очень и очень тяжело.

Вонючая, желеобразная слизь выливалась в овраг, а бочки мы драили металлическими ершиками, песком и полоскали на отмели морской водой.

— Дыши носом, — буркнул мне Вомби. — Уж что-что, а драить всякое дерьмище, я за свою жизнь уже научился.

У меня волосы на голове зашевелились от услышанного. Бедолага Вомби.

То, что энтузиазма и умения работать нам не занимать, стало ясно очень быстро. Мы с Вомби пахали, как черти в жерлове вулкана, и уже через пять часов освободили склад от тухлой рыбы. Бочки сверкающие чистотой и почти без запаха сушились на солнце.

Не скажу, что мы не устали — устали, ещё как. Но были настолько довольны собой, что почти перестали замечать запах. Ни этот складской, ни свой собственный.

Правда, вымыться нам нужно было срочно. И мы одновременно прыгнули в чуть солоноватую воду пролива Лонгрион.

И тут спасибо той самой девочке — наш обед она предусмотрительно оставила на приличном расстоянии от места нашей героической битвы.

— Как зовут друга-гуся из твоей песни? — спросил Вомби, как закончил свой обед.

— Гоша. И поверь, если мы его найдем, он обязательно нам поможет.

Выдумывать плот, я не собирался. Такие сооружения частенько встречаются на сплавах по рекам у меня на родине. В наших Срединных землях. Главное это хорошо скрепить. Я аккуратно разобрал ящик Вомби. И разжился гвоздями. Ими я зафиксировал доски на бочках. А еще использовал свою заговоренную веревку, которую мы называем канат, чтобы усилить сцепку и иметь возможность закрепиться на плоту. Вомби стоял под мостом и из последних сил держал иллюзию невидимости. Оказалось, что вся магическая сила находилась в его шерсти. А у него этой шерсти остался короткий белесый ёжик. Весь ужас ситуации заключался в том, что такое богатство мадам Паука не упустит. И бежать нам надо сегодня же. Пока не доложили, что какие-то бродяги получили бочки в оплату труда. Еще я узнал, что с первым ударом колокола уходят на главную землю защитники. Это Собакены и Орловы. Со вторым ударом колокола начинают разводить мост. И через минуту после этого выпускается защитный купол. Он ползет медленно и достигает воды за четыре минуты.

— Это не морской плот, — буркнул Вомби, глядя на конструкцию. — Это отчаяние на воде. Как мы придадим ему нужное направление?

— Это — инженерная мысль! — гордо высказался я, глядя на своё детище. — И единственный вариант переправиться на другую сторону. Но нам нужны вёсла, или хотя бы шест. Которым можно хорошо оттолкнуться и корректировать наше перемещение. А также причалить к берегу.

— Шест? — переспросил Вомби?

— Это такая палка длинная. Она может быть деревянной, или металлической. Да, хоть ветка с дерева, только длинная и достаточно толстая, чтобы не сломалась от первого толчка.

Вомби скорчил смешную рожицу и ответил:

— Шест, я знаю что это такое. Обдирать дерево, если ты найдешь хоть одно в этом городе, — запрещено. Отойти от нашего плота я не могу. Его сразу заметят.

Я понял что мы теряем время, уже темнеет. Мы за сегодня устали очень, сильно нервничаем и поэтому чуть не поссорились.

— Шест я найду. Жди меня. Я скоро, — сказал, и побежал в сторону доков.

Мне очень стыдно, но я собирался украсть шест или чьи-то вёсла. Понимаю, что поступаю крайне неосмотрительно, но другого выхода мне не виделось. Не понимаю, как я мог днем забыть о таком важном моменте и злился сам на себя. В темнеющем небе пролетела большая птица. Я инстинктивно пригнулся. Мало ли орел из охраны периметра. Потом опомнился, что еще ничего не украл и уставился на табличку. На ней был изображен Вомби. Таким, каким я видел его при первой встрече. Вторая картинка изображала его лысую животную ипостась. Большими буквами была надпись *“разыскивается крыса”*. И приписка *“за живого, награда пять больших золотых”*. Ах, ты зараза! Ещё больше разозлился и попытался до этой таблички достать. В итоге раскачал столб и обнаружил у себя в руках, очень не плохой шест, заканчи-

вающийся очень крепко прибитой табличкой. Всё. Спасибо мадам Паука. Никогда не забуду вашей доброты. Перекинул шест на плечо и побежал к Вомби.

— Вот тебе дружище шест! Я был прав. Эта черная вдова несчастного Билла, тебя уже обыскала. Может решит, что ты подался в Срединные земли?

Вомби уставился на свой портрет и задумчиво сказал.

— Не в Средиземье, не в какую другую сторону отсюда не попасть. У мадам Пауки есть свой заградительный отряд. Она бесплатную рабочую силу из своих лап не выпускает. Я видел тех, кого возвращали. Печальное зрелище.

Тут раздался первый удар колокола.

— Всё, не время ностальгировать.

Мы стянули плот в воду и еле успели на него вскочить. Как только ударил второй колокол и мост начал разводиться, появилось течение воды к светлому берегу. То есть первая часть плана сработала даже лучше чем мы планировали. А вот потом случился конфуз. С другого берега течение тоже шло к середине. А против такого сильного, мы оказались бессильны.

— Залезай под веревки,— командовал Вомби, пытаясь использовать шест как весло.

Он был хорош, но волны с двух противоположных сторон бились друг с другом создавая воронку. И тут я понял, почему никто не охраняет пролив в этот момент. Я зацепился за веревки, спустился по пояс в воду и начал усиленно грести ногами. Вомби греб из последних сил и уже хрипел от нагрузки. Мы были в самом центре. И если купол сейчас опустится — нас разрежет. На такое я не рассчитывал. Вомби догадался раньше и тихо позвал, смотря в небо:

— Помогите!!!

Глава 6

Героями не рождаются. Это случается внезапно в результате душевных порывов.

Но тут ведь мало решиться надо ещё и выжить.

Скажу честно — если вам вдруг в голову придёт отправить гуся с важным заданием, остановитесь. Подумайте. Выпейте воды. И только потом ещё раз подумайте.

Потому что гусь, конечно, птица гордая но не настолько умная, как ему самому кажется.

А Гоша — так вообще отдельный случай.

Отправил его за товаром дядя Гаро. Чётко и с инструкцией.

И, надо признать, у Гоши был план и ориентир. Он уже пролетал над Тёмными землями этим утром и прекрасно запомнил дорогу. Не глазами — носом.

Там был склад. И запах от него стоял такой, что не перепутаешь ни с чем. А за ним уже начиналась та часть города, где жилой квартал и нужный бар.

И вот на этот запах Гоша и летел. Уверенно. Спокойно. Как по ниточке.

Вот только

К тому моменту склад уже не пах. И ниточка развеялась по ветру.

Потому что мы с Вомби постарались на славу. А Гоша об этом не знал.

В результате пары тройки лишних кругов, он потерял время, но нужное место нашел. Встреча с мадам Паукой оставила на Гоше неизгладимое впечатление и он поспешил выполнить её заказ. А, встреча с тремя медведями в темнеющем переулке оказалась судьбоносной. Обалдеть.

Бурый Медведь в полной трансформации и так видок с ног сшибательный. А тут их целых три, да ещё с крытой телегой, да в темное время суток на узкой улице, где эта телега застряла. Вообще завал. Знал бы Гоша, что везет нелегальный груз, так вообще бы помер там на месте. Но Гоша не знал. А почему под закрытие купола? Так ведь срочно. В этом весь Гоша. И вот звучит первый удар колокола, а медведи не могут убрать свою телегу, странно косятся на Гошу и отмахиваются лапами. А Гоша не голубь, ему для поднятия своей тушки в небо разгон нужен. За минуту ничего путного не случилось и послышался второй звон. Тут Гоша не выдержал, подпрыгнул на одного медведя, пробежался по второму, вскочил на крышу дома на колёсах и наконец оторвался от земли. Сам в шоке от своего нахальства, взял курс на открывающийся мост.

Услышал писк о помощи и не обратив внимания, что откровенно не успевает, со всего маху втаранился в защитный купол. Что то треснуло, но Гоша видел только плот на воде, попавший в водоворот. Он не знал, как будет спасать, просто полетел на сближение. И тут случилось чудо. Его сумка засветилась и из нее потянулась сияющая нить. Она спустилась к плоту, зацепилась за парня с лопатой и начала в него впитываться. При этом плот и Гошу резко дернуло и с невероятной скоростью потащило вглубь Лонгриона минуя все центральные острова. Дальше Гоша почувствовал некий разряд по телу и вырубился, упав в воду рядом с нашим плотом. Я затащил голову гуся на плот и привязал его канатом. А Вомби с новыми силами греб к острову, который показался на горизонте. Не знаю сколько времени прошло, мы совсем выбились из сил, но все таки прибились к берегу.

Рыбацкий остров Ласки

На берегу, освещённом керосиновыми лампами, стояла рыбачка. На плечах у неё висела сеть, в натруженных руках — багор. Она была в возрасте, но еще достаточно крепкая для такой тяжелой работы. Она кого-то ждала. А тут — нате здрасте и четыре бочки, да ещё и с печатями!

— Да чтоб мне хвост прищемило, глядите! К берегу кого-то принесло! Живые вроде Эй, ребята, несите сети!» м-да улов, — пробормотала она и ловко багром подцепила нашу конструкцию.

Мы с ребятами с мокрым чавком вывалились прямо на мостки. И развалились на причале.

— Простите, — закашлялся я, — мы тут случайно — Случайные мореплаватели защитные купола не дырявят, — отрезала Ласка.

Она посмотрела внимательнее и увидела Гошу в образе гуся.

— Так-так-так, а тебе парень, что дома не спится? — прищурилась она.

Я открыл было рот, но Вомби меня опередил: — Забирайте бочки. Даже с документом! Только приютите нас пожалуйста, пока мы на ноги не встанем. — С документом они на вес золота, — хмыкнула Ласка.

Она втянула носом запах, сморщилась, потом махнула рукой: — Ладно отмою. За бочки — спасибо. Жильё и еда сколько вам понадобится.

Я сиял, несмотря на сумасшедшие сутки: — Спасибо! Я — инженер будущий. Я умею чинить многое. Я — Будешь чистить рыбу, инженер, — перебила меня Ласка.

— А ты, красавчик? — обратилась она к Вомби — Я маг, — гордо заявил Вомби. — Но могу и селёдку. — Отлично, маг, — усмехнулась она. — Магия против чешуи — это то, что нам надо.

Она ещё раз взглянула на Гошу, который в этот момент схлынул и оказался обыкновенным парнем с волосами убранными в высокий конский хвост, одетым по столичной моде. А главное - сухой.

— Тебя тоже приютить, или домой полетишь? — усмехнулась она.

— Меня в первую очередь приютить. Я вообще у вас жить остануть, клянусь быть полезным вашему клану, а мы где? — спросил Гоша оглядываясь.

— Вы на острове Ласки. Меня можно звать просто тётушка Хитрюга. И я здесь Лорд.

Мы пошли по скрипучим мосткам вглубь острова. Рыбацкий остров был прост: маленькие домики из досок и немного странной белой глины, сети, развешанные на шестах, а больше в темноте пока и не увидели.

Я глядел по сторонам и думал, что Город Солнца вовсе не сияет всем островам одинаково. Где-то он был золотым и звонким, а где-то пах рыбой и дымом. Но всё равно — это был Лонгрион, и мы были внутри купола.

— Ну что, — сказала Ласка, распахивая дверь дома.

— Добро пожаловать, здесь вы будете жить. Сейчас одеяла принесу и бельё. А в дальней комнате есть все удобства. Обживайтесь мальчики.

— О, да — простонал Вомби, падая на одну из кроватей, — я уже и не помню, когда в последний раз спал по-человечески.

— Фаро! Я так долго тебя ждал! — воскликнул Гоша.

Наконец мы с Гошей смогли поговорить. А то сначала я был занят спасением своей тушки, потом Гоша потерял сознание, и мне приходилось следить, чтобы он не ушёл под воду. Понятия не имею, удержалось бы тело оборотня на воде, но то что мы бы его потеряли это к ведьмам не ходи.

Вот мы и встретились.

— И как во время ты меня нашел! — всхлипнул я обнимая друга.

— А ты теперь бард, как твой дед? — Спросил Гоша, глядя на мой инструмент.

— Я теперь вместо деда. Спую, Гоша, обязательно спую. Но давай мы немного отдохнем. В жизни столько не работал. Устал я сегодня, убийственно.

Глава 7

Королевский дворец

Если в стране есть Тайная канцелярия — значит, в стране есть что раскрывать.

А если её возглавляет лорд Лисиус — значит, скрывать там умеют так, что даже сами иногда забывают, где именно спрятали.

Лорд Лисиус был не просто главой службы безопасности страны. Именуемой тайной канцелярией. Он был младшим братом короля Лисандра. И имел больше обязанностей, чем привилегий.

Говорили, что он однажды раскрыл заговор, просто посмотрев на список приглашённых гостей.

А ещё говорили, что он меняет свой облик, как перчатки и никогда не знаешь, как он выглядит.

Говорили многое. И разное.

Но никто — подчёркиваю, никто — не говорил вслух о его дочери.

— --

Принцесса Лиси, которая не хотела быть принцессой

Я сидела на подоконнике, поджав одну ногу под себя, другую свесив наружу, как будто собиралась сбежать.

(Не собиралась. Но очень хотелось.)

Внизу — дворцовый парк. Слева — башня с часовыми. Справа — уютные беседки для уставших от жары господ, все кусты вокруг подстрижены так аккуратно, будто растениям тоже запрещено расти самостоятельно. А клумбы засажены исключительно розами сорта принцесса Лисиана. Красота и ляпота.

Я — та самая принцесса. Племянница короля. Племянница! Но это ничего не значит. Не успела я родиться, как меня уже посчитали должной короне. Обидно, да.

— Лиси, я принесла посылочку от её величества, — радостно сообщила Мурка, вламываясь в комнату с очередной упаковкой.

Я даже не обернулась.

— Там хоть одна книга заканчивается налоговой реформой или политическим шантажом?

— Не уверена, но её величество — честно ответила она.

— А. Ну тогда это, конечно, меняет всё.

Мурка вошла без стука. Она всегда входит без стука. Потому что единственный человек, который мог быть этим недоволен это я.

А я — не идиотка. Чтобы обижаться на такие мелочи, как этикет. Мурка была, есть и будет — моя единственная подруга. А это в наше время — бесценно!

В руках у неё была стопка книг, которую только что освободили от упаковки. Дурацкая художественная литература, которая должна настроить меня на лирический лад. Опять.

— Чтонибудь новенькое? — спросила я.

— Любовь, страсть, судьба, всё как обычно, — бодро отчиталась Мурка, выкладывая их на стол. — И вот это — она помахала одной особенно толстой, — про девушку, которая стала принцессой заоблачных земель.

Я тихо фыркнула.

— Трагедия? — уточнила я.

Мурка закатила глаза. Посмотрела строго на меня, как учитель этикета в младших классах.

— Романтическое фентези с летающими драконами.

— А. Ну да. Ещё хуже.

Я прыгнула с подоконника и подошла к столу. На обложке — девица с глазами, полными надежды, и выражением лица, будто она вот-вот найдёт смысл жизни. Судя по всему — в принце, который на драконе, или дракон, который принц.

Я открыла книгу наугад.

«и тогда он сказал, она моя судьба»

Я закрыла.

— Мурка, — сказала я максимально серьёзно, — скажи мне честно. Девушки правда думают, что быть принцессой — это вот верх блаженства?

— Что? — невинно уточнила она.

— Платья. Бал. Влюблённый идиот с короной. Счастье?

Мурка пожала плечами.

— Ну, да?

Я посмотрела на неё. Долго. Очень. Не шутит, надо же.

— Бедные, — вздохнула я.

— Ты не понимаешь, — продолжила она, устраиваясь на кресле. — Это же мечта! Проснуться — и ты принцесса.

Я усмехнулась.

— Вот именно. Проснуться.

Я подошла к окну.

— А я не просыпалась, Мурка. Я родилась такой. Сразу с долгами аж целому государству. Знаешь, в чём главный обман этих книг? Там всегда показывают, как девушка становится принцессой. Но никто не пишет, что происходит потом. После. Когда ты уже не «ах, какая удача», а «пожалуйста, не сделай ничего, что приведёт к войне».

Я никогда не выбирала себе платья. Знаешь почему? Потому что их выбирает специалист. А моя задача не потолстеть за время пока его шьют. И правильно его нести на обозрение публике. Правильно улыбаться и правильно приветствовать народ. У меня в преподавателях политики, историки и театральное искусство. Понимаешь? А я хочу одеть рабочий комбинезон с кучей кармашков и закончить наконец проект летательного аппарата. Хотя бы макет!

— Но у тебя же всё есть, даже эта твоя рабочая лаборатория с брючным костюмом, — осторожно сказала Мурка.

Я обернулась.

— Конечно. Потому что у меня папа понимающий. Но через два года я должна буду выйти замуж в Северные земли. И всё. Что останется?

Я демонстративно начала загибать пальцы.

— Замок — будет. Правда не под солнцем, а под снегом.

— Принс — будет. Правда неизвестно какой.

— Люди, которые за мной следят — в изобилии.

Я сделала паузу.

— Свобода — отсутствует. Я не хочу жить, как наша королева. Она тоже родилась принцессой. И была прекрасной Фенекой. Её боготворили на родине. А здесь, что? Дядя Лисандр на нее даже смотреть не может. Они встречаются только на деловых встречах. И естественно, у них нет детей. Откуда им взяться? Несчастной Фенеке, даже имя своего не оставили. Теперь она Лисифена. Королева с ограниченными возможностями.

Мурка молчала. Она вообще умная девушка. Но я её люблю не за молчание. А за правду. Она вздохнула и все-таки попыталась меня заземлить.

— Вместо договорного брака, меня выгодно продали твоему отцу в десять лет, у меня тоже не было выбора. Хочу я быть бытовым магом и служанкой королевскому отпрыску или нет. Единственное о чём я мечтала — чтобы меня не били и кормили хоть иногда. Спасибо твоему папе. Мне повезло.

Крысовы пекут хлеб, держат кондитерские и варят квас, их детей никто не спрашивает, что они хотят делать. Ласки ловят рыбу, Зайцевы держат сельское хозяйство. О каком выборе ты говоришь, Лиси? — пробормотала она.

Я посмотрела на неё.

— Хочешь? — спросила я.

— Что?

— Обмен.

Она насторожилась.

— Ты — принцесса. Я — Мурка., — твоё доверенное лицо.

— Лиси, очнись! Я буду с тобой, или тобой пока мне будет это приказано. Затем начну мечтать о своём будущем. Я хочу семью. Свою. Такую, как есть у тебя. И детей хочу. Мне уже двадцать пять. Ещё пару лет и меня замуж, даже Крысовы не возьмут. А ты будешь улыбаться людям, которых не знаешь, и выйдешь замуж за Арлин, если его найдут.

— Вот и я о том же, если найдут. А если нет? — спросила я.

Мост, на который я не должна была смотреть

Мурка осталась при своём мнении и, победно фыркнув, удалилась за моим обедом. Я подождала, пока шаги стихнут. Потом ещё немного.

Для приличия.

— Ну что, — сказала я в пустоту, — давай посмотрим, кто сегодня решил испортить мне настроение.

Я подошла к стене, нажала на камень, сдвинула панель и достала из сейфа шар.

Гладкий. Тёплый. И абсолютно незаконный.

Я купила его в лаборатории мастера Мяо.

Совершенно случайно. Абсолютно нелегально. И отдала за него нереально бешенные деньги. О сумме, пожалуй промолчу.

Это был не просто артефакт. Это был **Глаз Лонгриона** — опытный образец. Сфера наблюдения, которая в руках человека с крупицей магии, позволяла видеть объекты на большом расстоянии

А в моих — ещё и узнавать вещи, которые мне знать не полагалось.

Я поставила шар на подставку у окна и провернула кольцо настройки. Изображение дрогнуло и сфокусировалось на мост. Главный понтонный. Приграничный.

Моё любимое развлечение. Потому что меня туда и близко не подпускали.

Я смотрела на мост часто. Обычно вот так, когда Мурка шла за нашим обедом, который я предпочитаю к часу дня и ни минутой раньше. Значит у меня есть минимум сорок минут на незаконные развлечения.

Тут я в себе немного не разобралась. То ли на мосту было интереснее, чем сплетни во дворце, то ли меня серьезно привлекал нелегальный вариант подглядывания.

Согласно моим наблюдениям. Иностранцев, пришедших пешком, почти никогда не пропускали. Только за очень большие взятки.

Если ты не приглашен. Не богат. И не везешь свои товары на базар — разворачивайся.

Правило простое. И отвратительно рабочее. Я видела это не раз. И не могла сказать отцу. Потому что тогда пришлось бы объяснять, **откуда** это знаю. А этот разговор закончился хорошо, не мог. Папа при исполнении, это вам не цветочек в саду сорвать.

Всё началось, как обычно. Телеги. Проверки. Рутин.

Я уже собиралась убрать сферу, когда

— О.

Он появился на мосту, как яркая реклама дорогой походной одежды. Я сразу наклонилась ближе, разглядывая его высокие ботинки на шнуровке.

— Интересно, где он такие купил? Хочу себе такие. Под мой рабочий прикид, в самый раз. И куртка кожанная, очень красивая.

Высокий. Лёгкий. Стройный. Ай

Двигается так, будто не прошел десятки километров, а на танцплощадке у летнего кафе на университетском острове глазки студенткам строит.

Светлые волосы. Длинные. Волнистые. И чёрная прядь.

Я моргнула.

— Да ты красив и богат, судя по кошельку висевшему на поясе Большой такой мешок, как сумочка. С инкрустацией. Средиземьекажется.

Я тихо усмехнулась.

— Ну ты вообще не стараешься привлекать внимание. Сейчас Собакен с тебя сдерет заоблачную плату. Пять золотых, как минимум. Да не простых, а больших. Я такое уже видела.

Я закатила глаза. Собакен потянулся к кошельку. Парень — не врубился, вообще. Стоит и улыбается. Ох, бедное моё сердечко. Он точно на учебу приехал. Я обязательно с ним познакомлюсь.

И тут он сделал то, чего я вообще не ожидала. Достал из-за спины чехол и показал струнный инструмент. Я зависла.

— Нет, ты сейчас серьёзно?..

Инструмент музыкальный, только это точно не балалайка, скорее восточная гитара, нет, струн меньше. Он провёл пальцами по ней. Легко. Спокойно. Я не слышала звук. Но видела всё остальное. Собакен остановился. Подумал.

И протянул свои лапы к драгоценности...

— Да, ты издеваешься?

Я не слышу о чём они говорят. Но, Собакена этого, я точно должна подловить где-нибудь на взятке в другом месте. Мне показалось, что он хочет забрать у парня инструмент. Я напряглась.

— Давайте удивите меня.

Они говорили. Красавчик отвечал. Спокойно. В своём праве. И его развернули.

Я резко выпрямилась.

— Да вы издеваетесь?!

Просто кивнул и развернулся.

— Ты, морда красная, сейчас не пустил барда? Даже денег у него не попросил?

Я даже пальцем ткнула в шар. На всякий случай.

И в этот момент

Карета с гербами Северных земель на полном бычьем ходу влетела на мост. Чуть не затоптав моего красавчика.

— Эй!

Горностаи. Я замерла. Это герб моего будущего королевства.

— О. Вот теперь всё стало плохо.

Я ещё раз посмотрела на парня, который спустился в сторону городка в Темных Землях.

— Ладно тебя я позже найду.

Я отвернулась от шара.

Потому что теперь начиналась настоящая проблема. Срочно нужен папа.

Договор с папой или канцлером, так и не поняла

После обеда я решила взять ситуацию в свои руки. Не так чтобы я была уверена в своих силах. Но за попытку, как говорится, в тюрьму меня не посадят. До кабинета отца я дошла быстро, хотя в голове у меня всё ещё путались сразу две вещи: карета с гербом горностаев и тот светловолосый парень на мосту, который выглядел так, будто он случайно выпал из романтической книги, что принесла мне Мурка. Мысли толкались, мешали друг другу и не давали сосредоточиться, а мне как раз очень хотелось сосредоточиться, потому что северяне не приезжают просто так.

Дверь в кабинет была не заперта. Я вошла без стука, как входила всегда, когда дело касалось не придворных церемоний, а отца. Кабинет у него был именно таким, каким и должен быть кабинет человека, который знает слишком много чужих тайн и хранит их явно не здесь. Большой стол, тёмное дерево, карты, аккуратно сложенные бумаги, чернильница, перо — всё на своих местах, идеальный порядок. Окно было распахнуто, и на широком подоконнике сидел Пыж в своей голубиной форме — серый, важный, с таким видом, будто не просто ждёт письмо, а лично решает все государственные дела. Он косил на отца круглым глазом и терпеливо переступал лапками. Видимо, собирался лететь сразу, как только письмо будет запечатано.

Отец как раз дописывал последнюю строку и даже не поднял головы, когда я вошла.

— Приехали с севера, — сказал он так спокойно, как будто речь шла не о людях, способных принести большие неприятности, а о торговцев шерстью.

Я не стала говорить, что уже видела карету. Если хочешь что-то узнать, иногда полезнее сделать вид, что не в курсе.

— Его нашли? — спросила я.

Разумеется, я имела в виду Арлин.

Отец покачал головой, не сразу, а будто ещё раз проверил этот ответ в уме.

— Нет.

Мне это не понравилось ещё сильнее.

— Тогда о чём разговор?

Он поставил точку, посыпал лист мелким порошком, чтобы быстрее подсохли чернила, и только потом посмотрел на меня. У отца вообще было замечательное свойство: сначала завершить дело, а уже потом замечать, что рядом с ним кто-то дышит, волнуется и пытается не сойти с ума.

— Мы ещё не разговаривали, — ответил он. — Мастер Песе с дороги устал. Его разместили в гостевых покоях. Официальный разговор с королем назначен на завтра.

Пыж на подоконнике тихо заворчал по-голубиному, будто у него на этот счёт было своё мнение. Я посмотрела на него, потом снова на отца, и вдруг с предельной ясностью поняла, что другого момента у меня не будет. Если уж завтра эти северные хищники начнут раскладывать мою жизнь на государственные интересы и династические обязанности, то сегодня я хотя бы успею выторговать себе глоток воздуха.

— Папа, — сказала я уже совсем другим голосом.

Он это сразу уловил. Откинулся на спинку кресла и посмотрел внимательнее. Не как глава Тайной канцелярии. Как отец, который догадывается, что сейчас с него что-то будут требовать.

— Что?

Я подошла ближе к столу.

— У меня есть два года.

Он слегка приподнял бровь.

— До чего именно?

— До того, как это всё перестанет быть просто магическим договором и станет моим личным кошмаром с государственными обязанностями.

Отец не улыбнулся, но в глазах что-то мелькнуло.

— Для тебя оно и сейчас достаточно личное.

— Да, но пока ещё не окончательное. А через два года — окончательное. Особенно если принца так и не найдут, а вместо него найдётся кто-нибудь другой из королевских горностаев.

Он не спросил, откуда я это знаю. И за это я была ему почти благодарна. Значит, он понял достаточно.

— Чего ты хочешь, Лиси?

Когда отец задаёт вопрос вот так спокойно, это всегда опасный момент. Тут лучше не юлить.

— Я хочу эти два года себе, — сказала я. — Не дворцу. Не договору. Не будущему политическому цирку. Себе.

Он молчал, и я продолжила, потому что теперь уже нельзя было остановиться на полпути.

— Я хочу поступить в Академию. На механический факультет.

Вот теперь он действительно посмотрел на меня внимательно.

— На механический?

— Да.

— Я думал тебя интересует алхимия.

Я вздохнула. Вечно все задают этот вопрос так, будто у желания летать нет права на существование, если у тебя за спиной нет крыльев.

— Затем, что я хочу летать.

Пыж на подоконнике расправил крылья и снова сложил их, явно не собираясь упускать шанс поучаствовать в сцене. Я покосилась на него и продолжила уже упрямее:

— Да, я знаю, что у меня нет крыльев. Можешь даже не говорить. Поэтому я и хочу на механический, ну или хотя бы физический, алхимический. Кто-то же должен наконец придумать приличный способ подняться в воздух без того, чтобы родиться птицей, фениксом или в виде мифического дракона.

Отец слушал, не перебивая. Это уже было маленькой победой.

— Почему сейчас? — спросил он наконец.

— Потому что завтра начнут решать мою судьбу король и королева, которые почему-то уверены, что политика государств важнее маленькой принцессы. А сегодня ты ещё можешь решить что-то для меня, а не вместо меня. И ещё, моя татуировка не погасла, значит Арлин жив. Так что пусть ищут дальше.

Он опустил взгляд на письмо, потом снова на меня. Пыж ждал. Я ждала. Даже воздух в кабинете как будто замер.

— Два года, — повторил отец медленно.

— Да.

— И что я получу взамен?

Хороший вопрос. Очень в его духе. Ничего просто так он не подписывал, даже если речь шла обо мне.

— Ты получишь дочь, которая не устроит скандал во дворце через два года, не попытается сбежать в первый же удобный момент и выполнит условия клятвы даже если Арлин за это время погибнет и придется выйти замуж за его отца, деда или мертвеца. А ещё ты получишь меня подальше от придворных интриг. Я буду учиться. По-настоящему.

Отец долго смотрел на меня, и я уже начала подозревать, что переборщила и с дерзостью, и с искренностью одновременно. Но потом он протянул руку к письму, свернул его, запечатал и наконец подозвал Пыжа. Тот мгновенно подобрался, деловито шагнул ближе и схватил письмо

так ловко, будто только этим всю жизнь и занимался. Хотя, если честно, именно этим он и занимался.

Только после этого отец снова перевёл взгляд на меня.

— За мертвеца я тебя не отдам, — сказал он. — У тебя есть два года. А я кину все свои возможности на поиски твоего жениха. Слишком подозрительная ситуация с этим исчезновением.

Я даже не сразу поверила, что он это сказал вслух. Настолько спокойно, будто не обвинил кого-то в намеренном сокрытии принца, а просто разрешил взять ещё одно пирожное.

— Правда?

— Не заставляй меня повторять дважды. Это портит впечатление.

Я выдохнула и только тогда поняла, как сильно была напряжена всё это время.

Пыж уже сидел на краю подоконника, готовый сорваться в воздух, и я почему-то вдруг почувствовала зависть. Вот у кого всё просто: дали письмо — полетел. А мне за свои два года пришлось торговаться почти как на рынке.

— Спасибо, папа, — сказала я.

Он чуть склонил голову, принимая благодарность так же сдержанно, как принимал всё остальное.

— Не благодари раньше времени. Завтрашний разговор с королевской семьёй тебе всё равно не понравится.

— Но послушать, то интересно.

— Это семейная черта, — улыбнулся отец.

Пыж вспорхнул с подоконника и исчез за окном, унося письмо. Я проводила его взглядом, потом посмотрела на отца и вдруг с удивлением поняла, что впервые за долгое время у меня внутри стало чуть легче.

Два года.

Не свобода. Не спасение. Но уже не клетка без дверцы. И этого мне пока было достаточно.

Глава 8

Когда лучше быть лисой, чем принцессой

Если ты живёшь во дворце и хочешь что-то узнать — не ходи по парадным коридорам.

Это первое правило, которое я усвоила ещё до того, как научилась нормально завязывать шнурки. Второе — не задавай лишних вопросов стражникам. Они либо ничего не знают, либо знают, но не скажут. Третье — если у тебя есть чёрный ход, пользуйся им. Всегда.

Поэтому в лабораторию я шла как нормальная, воспитанная дочь главного дознавателя — через служебные коридоры и лестницы, где пахнет едой, тряпками и новостями.

Там есть одна особенность. По периметру идут маленькие решётчатые окошки — не для красоты, а чтобы прислуга могла видеть, куда идёт, не высываясь. Лишний раз не попадаясь на глаза знатным господам. Очень полезная вещь.

Я шла быстро, почти не глядя по сторонам. Всё время думая о крыльях и какой материал может удержать тяжелое тело в воздухе.

Я моргнула. Потому что в одном из таких окошек я увидела королеву. Я моргнула, ещё раз. Нет, всё правильно. Это была она. Не двойник, не придворная дама в хорошем платье, а именно она — с той самой походкой, от которой даже цветы стараются пригнуться.

— Прекрасно, — тихо сказала я. — Королевы теперь гуляют по гостевому крылу. Что дальше? Мастер Песе будет сам исполнять обязанности принца?

Лисифена шла одна. Без сопровождения. Без служанки.

В сторону покоев дипломата северных земель. Потому что сейчас в гостевом крыле остановился только он.

Я отступила от окошка и уткнулась спиной в холодный камень.

Так не бывает. Точнее, бывает. Но тогда это называется не «визит вежливости», а что тогда?

— А я, значит, просто мимо проходила. Мне надо было осваивать шпионскую профессию. С моим то фантастическим везением.

Я снова выглянула. Дверь в покои уже закрывалась. И вот тут у меня было два варианта. Забыть и пойти куда шла. Или перестать притворяться нормальной. И стать истинной дочерью своего отца. Я вздохнула.

— Не могу пройти. Только послушаю и уйду. Там ведь обо мне говорить будут. А кто предупрежден — тот вооружен.

Я обратилась лисой. А кем же ещё? Я же оборотень королевского рода. А мы рыжие и очень любознательные. И полезла в трубу вентиляции. С детства я так не баловалась. И оказалось, что я немножко выросла. А моя звериная тушка ещё и потолстела.

— Если я застряну, — прошептала я себе, — это будет очень глупая ситуация.

Труба вела ровно туда, куда надо. Я легла, прижалась ухом к решётке. И сразу услышала.

— выдача Лиси, — сказал Песе.

Я закатила глаза. Подтянулась и сунула свой любопытный нос в решетку, и увидела невообразимую картину.

Песе развалился в кресле так, будто это его кабинет, а не гостевые покои в замке чужого государства. Нога на ногу, локоть на подлокотнике, в пальцах — кисть винограда, которую он обрывал лениво, по одной ягоде, как человек, у которого нет ни срочных дел, ни уважения перед королевой. Он даже не встал, когда она вошла. И вид у него был слишком домашним. Мягкие брюки и до безобразия растянутая рубашка. Ой, было бы что показывать! Белейшее, северное пузо, вот-вот выкатится наружу. Фу.

Вот это уже было показательно.

Лисифена остановилась у стола, не проходя дальше. Спина прямая, взгляд убийственный — идеальная королева. Если не смотреть на руки.

А я смотрела. Они были сжаты так сильно, что побелели.

— Хорошо, что ты пришла, — сказал он, даже не глядя на неё. — Нам нужно обсудить дела.

Я чуть скривилась. Он поднял глаза. Медленно. Оценил. Как будто она — часть обстановки.

— О, отлично. Сразу к сути. Не обнял, не поцеловал, не спросил как мне здесь живётся без тебя. Сразу к делу. Ну, что же.

Официально у нас ещё есть два года, — ответила королева. — И причин что-либо менять, я не вижу.

Я тихо усмехнулась. Кажется всё-таки заговор. И что за отношения такие с обнимашками? Я, конечно, мало интересуюсь такими делами, но пару романтических книг прочитала. И определенные представления о взрослой жизни имею.

— Причины есть, — сказал он.

— Королевское отродье сдохло?

Вот тут я уже не улыбалась. Это что, она так принца Арлин обозвала?

— Хуже, сбежало. Пока я потом и кровью заслуживал перед этими горностоями титул королевского посла.

— Как сбежал, шаманы должны были подтереть ему память. Да и воспитывался в племени он с шести лет, — выдохнула она.

Он оторвал ещё одну ягоду.

— Он королевский горностай, у его магии много тайн. Может вспомнил что, а может просто подался в приключения на китобойном судне с пингвинами.

Она не выдержала.

— Пингвины? Да они затонули три года назад!

Голос её сорвался и перешёл на крик.

Он, наконец, посмотрел на неё по-настоящему. Протянул руку и усадил нашу королеву себе на колени.

Я чуть не задохнулась от такой фамильярности. Но сдержалась и ничем себя не выдала.

— Кто-то затонул, а остальные сейчас владеют островом. И активно строят вольный город. Но парня там нет. Я только оттуда.

Она встала к столу, взяла его бокал с вином и залпом выпила. В этом движении уже не было ни королевы, ни этикета. Только женщина, которую я не знаю.

— Я думала — она запнулась, будто сама не хотела это говорить. — Я думала, что мы будем вместе. И ты представляешь, что такое шесть лет не оборачиваться. Я уже забыла как выглядит мой зверь!

Он тихо хмыкнул.

— Мы вместе Песефена. Вместе делаем историю. А ты должна была уже повзрослеть и наделать с мужем наследников.

Она дёрнулась, но не высказалась.

— Ну да, — прошептала я. — Очень государственно.

И вот тут стало понятно, что хуже всего — не его наглость. А то, что он имеет над нашей королевой власть.

— Что? Он назвал её Песефеной? Не Фенекой. Ой, куда я вляпалась. Папочки.

Я прижалась к гладкой поверхности воздухоотводной трубы и тихо поползла задом от кабинета. За такую информацию меня по головке не погладят. И в коридор мне лучше не спускаться. Не в черный, не в белый. За эти сорок минут, что я как змея ползла к своим апартаментам, я повзрослела лет на пять. Мне стало страшно. Нет, не то что я увидела в апартаментах одного придворного кота. Фу. Как же это развидеть. А то что во всех детективных романах

свидетелей убирают тихо и закапывают глубоко. Их потом находят и записки с нужной информацией в карманах, или вообще во рту. Но свидетелю от этого не легче.

Мне нужен папа, а он как назло сегодня заседает в магистрате. Там драконы с норками судятся. Как же мне дожить до вечера?

Если я правильно поняла, меня на совещание с послом не пригласят. Не девичье это дело, решать государственные дела. В лучшем случае на ужин попаду. А значит гардероб Мурка уже должна была подобрать.

А она меня уже потеряла. До лаборатории я так и не добралась. В апартаментах меня нет. Но это всё фигня, по сравнению с ямой, куда я проваливаюсь.

С этими мыслями я отодвинула решетку вентиляции и провалилась на свою кровать. Моё падение не прошло незамеченным. Мурка как раз выкатывала штатив с парочкой подходящих нарядов. И глазом не моргнула, глядя на мои акробатические пируэты. Она вытянула руку и телекинезом закрыла решетку вентиляционной трубы.

С Муркой я разберусь позже. А сейчас надо компромат накатать и спрятать в тайник. Желательно тот, который папин. Параноя у нас с папой общая. А что будет завтра, я не знаю. Слово «выдать Лиси» до сих пор давит на уши. Я же не преступница, какая-то. Или посылка.

Да и рассказывать гораздо труднее, чем отослать отчет по всем правилам тайного сыска. Если бы не долг перед государством, точно пошла бы к папе на службу.

— Очень хорошо, что ты здесь, дорогая Мурка.

Включила я принцессу. Всегда так делаю, когда не знаю чем заполнить паузу или конфуз.

— Принеси, ка нам переркусить. А то на приёме мне с этим бледнолицым, пузатым песцом кусок в горло не пролезет.

Мурка не задавая лишних вопросов, развернулась и вышла из моих апартаментов.

Люблю её за сообразительность. Надеюсь она докладывает о моём поведении и странных передвижениях только папе. А мы с ним обычно понимаем друг друга.

Так, чтобы информация была воспринята не как сплетня кухонной полотерки, я решила расписать все максимально подробно. А именно с момента, как я шла по черному коридору. И что видела распишу в деталях. Свои мысли оставлю при себе.

Руки ещё дрожали. Ползти сорок минут, даже в звериной форме, та ещё нагрузка. Ещё нервничала. Но четко осознавала — если сейчас не занять голову делом, она начнёт заниматься мной.

Я посмотрела на бумагу. Писать. Максимально подробно. Без сокращений. Без «и так понятно». Как для дознавателя. Как для главы тайной канцелярии.

Как я шла. Где остановилась. Сколько шагов до двери. Кто что сказал. Каким тоном. Что стояло на столе. Даже виноград. Даже это его наглое «мне нужна она». И я писала.

Я даже поймала себя на том, что вспоминаю детали, которые сначала проскочила — как он держал бокал, как она отвернулась, как замолчала на полуслове.

— Вот так, — тихо сказала я. — Вот так и надо.

Когда я остановилась, у меня уже было три страницы. Я откинулась на спинку стула, посмотрела на написанное и неожиданно усмехнулась.

— А, может в писатели податься?

Чернила ещё блестили. Пришлось подождать. Я аккуратно подула на край листа, потом на второй, потом просто сидела и смотрела, как они медленно темнеют.

В комнату вошла Мурка с полноценным ужином. За окном темно.

— По всей вероятности, приёма сегодня не будет, тихо произнесла подруга.

Я подняла на неё взгляд.

— Почему?

— В магистрате суд между драконами и норками перешёл в более активную стадию. Там сейчас заняты все, кто может хоть как-то это остановить.

Я фыркнула.

— Вот откуда ты всё это знаешь?

— Работа у меня такая, слушать и слышать, — ушла от прямого ответа Мурка и занялась сервировкой стола.

— А я всегда думала, что ты моя горничная с бытовой магией.

И мы весело посмеялись.

Я встала, сдвинула картину — ту самую, где папа держит моего брата на руках, ещё совсем мелкого, довольного, как будто мир ему уже тогда всё задолжал. И я с выражением, ещё десять секунд и можно убегать в только что подаренную мне лабораторию.

Щёлк. Сейф открылся.

Я как раз провела пальцами по раме, проверяя, ровно ли висит, когда в дверь постучали.

Мурка открыла дверь и личный посыльный его величества объявил что ужин, посвященный приему посла северных земель перенесен на завтра, из-за государственных дел.

Я подняла на неё взгляд.

— Ты как всегда права.

— Но, — добавила она тише, — король решил не откладывать встречу с послом.

Я чуть не подавилась жульеном, от такой информации.

— Где?

— В своём кабинете.

— Лично. Без свидетелей.

Я медленно кивнула.

— Вот это уже интересно.

Мурка посмотрела на меня внимательнее. Я на секунду задумалась, заканчивая с несчастным жульеном и нацеленная на чудесную рыбку.

— Тебе что-нибудь ещё принести?

— Да, но это не десерт. У тебя есть что-нибудь чтобы послушать через стену?

Мурка на меня посмотрела внимательно. Не удивилась — просто сразу поняла, куда я клоню.

— Ты хочешь прослушать королевский кабинет?

— Да.

— Ты понимаешь, что это даже не кабинет твоего отца?

— Понимаю.

— И что могут быть последствия?

— Поэтому я не буду сидеть в вентиляции над его кабинетом и спрашиваю, другие варианты.

— А ты до его кабинета и не доползешь, там дополнительная решетка стоит.

— О, как. Мне нужно что-то маленькое. Тонкое. У тебя ничего не летает? Ну, типа мухи?

Мурка фыркнула.

— Мух мы ещё не запускаем. По крайней мере магических. А обычных пока не приручили. К сожалению они нас не понимают, и живут не долго. Так что с этим дорогая моя госпожа — мимо.

Она на секунду задумалась.

— Есть два варианта. Нить. Резонирующая. Если её протянуть, из твоей комнаты будет слышно всё, что нужно.

— Есть ещё артефакт. Но он фонит, почище твоего Ока Лонгриона. Засекут, если накинут на кабинет Сеть молчания.

Я мало что поняла про тот артефакт в ушах звенела фраза, почище твоего Ока. То есть моя подруга знает и о нем.

Она чуть прищурилась.

— Тебе же не нужно слышать пол дворца. Тебе нужен один разговор.

— Один, — кивнула я.

— Тогда нить.

Я помолчала секунду, потом сказала:

— Только проведу её сама. А папа про Око тоже знает?

Мурка сразу покачала головой.

— Нет. Полезу я. Меня этому учили. И да. Твой папа знает о твоих маленьких шалостях. Око не может видеть через стены, а работает как обычная подзорная труба мореплавателя. Поэтому она даже легальна.

Тайны мастера Песе

Я спокойно на неё посмотрела. А потом решила не раскрывать своей маленькой тайны о доработанном мастером Мяо артефакте.

— Дай мне нить. Я сама пролезу и зацеплю. Если что — это будет моя проблема.

Она покачала головой:

— Мой зверь меньше твоего. Я кошка. Мне проще.

— А, ты не боишься быть пойманной охраной короля?

Она усмехнулась:

— Я боюсь с того момента, как меня привезли в этот дворец.

Я передёрнула плечами:

— Прости, я не знала.

Мурка была умной, образованной магичкой и обученным агентом моего отца. Но, увидев её навыки, я сразу поняла: таких специалистов со службы не отпускают. Как бы грустно это ни звучало, Мурка вряд ли станет свободной через два года. Даже если ей не придётся ехать на север со мной, отец её непустит.

Теперь к нити — тонкой проволоке из неизвестного мне материала — было прикреплено странное ухо. Тёмное, чуть вытянутое, с мягким матовым блеском. Оно едва заметно дрожало, и из него уже шёл звук — приглушённый, но различимый, словно говорили за тонкой стеной.

Всё было готово.

Нам оставалось только запастись сушёным крилем или семечками и развесить уши.

Мы с Муркой переглянулись. Поговорить всегда есть о чём, но сейчас — не время. Она едва заметно качнула головой: «Слушай». Я кивнула.

Мы замерли.

Как только в ухе прозвучал голос, я чуть не подскочила. Чёткий, церемониальный: секретарь короля пригласил мастера Песе. Дверь, шаги, короткая пауза — и тишина сменилась разговором.

Король начал первым — без долгих вступлений, но в рамках приличий:

— Вы прибыли раньше срока, мастер Песе. Насколько я помню, у нас оставалось ещё два года до момента, который мог бы потребовать вашего личного участия. А торговыми делами я лично не занимаюсь.

Песец ответил мягко, почти ласково — с тем самым бархатом в голосе, который сначала успокаивает, а потом затягивает:

— Ваше Величество, прошу простить возможное недоразумение. Мой визит не имеет отношения к предмету нашего прежнего соглашения. Я ни при каких обстоятельствах не позволю себе нарушить его условия или, тем более, поставить вас в неудобное положение. Мы слишком высоко ценим достигнутые договорённости.

Лёгкая пауза — вероятно, он поклонился.

— Более того, я прекрасно осведомлён, что лучезарная Лиси пока не готова к такой утомительной поездке.

— С чего это я не готова? И откуда такая осведомлённость?

Король не перебил, но тишина после этих слов стала чуть тяжелее. Когда он заговорил снова, в голосе уже чувствовалась усталость человека, которого пытаются убаюкать ментальной магией слишком аккуратно, но у Короля есть иммунитет:

— Ваше уважение к договорёностям мне понятно, мастер. Именно поэтому мне хотелось бы прояснить одну деталь, которая, боюсь, плохо с этим уважением сочетается.

Он сделал короткую паузу, словно подбирая формулировку.

— В пределах моих владений, у самой границы Тёмных земель, стоит ваш корабль. Быстроходный, военный крэйсе. Хорошо вооружённый. С полностью укомплектованной командой.

Ещё одна пауза. Чуть холоднее. Мы с Муркой переглянулись.

— И на его палубе, как мне доложили, находятся сфинксы. Существа, давно утратившие человеческий облик и чьи таланты редко востребованы в мирных переговорах.

Я закрыла руками рот, чтобы не охнуть прямо в ухо.

Лисандр чуть смягчил тон:

— Я, разумеется, допускаю, что всему этому может существовать вполне невинное объяснение. И именно поэтому предпочёл задать вопрос вам лично, а не делать поспешных выводов. Так вот, мастер Песе, — произнёс он уже тише, но отчётливее, — не окажете ли вы любезность пояснить, с какой целью столь внушительная сила оказалась так близко к моей границе без предварительных договорённостей?

Песец ответил не сразу.

— Я напал на след Арлина два года назад. Следовал за ним от самого острова Пингвинов. Мои поиски заводили меня в разные, далеко не дружелюбные порты, и в одном из них мне пришлось нанять воинов.

— Арлин пропал тринадцать лет назад, — холодно заметил король. — А искать вы его начали только сейчас?

Тут я не выдержала и вслух сказала:

— Конечно сейчас. Ведь он только три года назад от тебя сбежал.

Я так часто разговаривала сама с собой, что не ожидала ответа.

— Лиси, о чём ты говоришь? — Мурка дёрнула меня за рукав.

Ого. Как бесцеремонно. Я моргнула от удивления.

— Это то, что я писала в отчёте. Этот Песе и украл шестилетнего принца. И поселил мальчика на крайнем севере, в своём племени.

— Не может быть! — прошептала Мурка. — Его проверяли в первую очередь — как учителя и гувернёра. Он в ту ночь зимнего солнцестояния был на новогоднем приёме, со всеми.

Тем временем в ухе голос Песе продолжал:

— Я прошу вашей поддержки в поисках. Предполагаю, что юноша потерял память. Также мне могут понадобиться несколько сфинксов в качестве помощи.

И тут мы с Муркой увидели за окном, как на фоне тёмного неба вспыхнул купол.

Мы даже не успели осознать увиденное.

Купол перезагрузился. И снова закрывал нас от внешнего злого мира.

И в этот момент нить-прослушка растаяла.

— Всё, — тихо сказала я. — Мы потеряли связь.

Глава 9

Тайна разрыва Купола

Утро в Лонгрионе началось с влажного тумана и запаха свежей выпечки. Золотистые крыши просыпались медленно, лениво отражая солнечные лучи, а улицы ещё не успели заполниться торговцами.

Лисиус Лонгрион — главный детектив королевской службы, Начальник тайной канцелярии и по совместительству брат короля — шел по мостовой, едва касаясь брусчатки лакированными сапогами. Его плащ, сшитый на заказ в Салоне Моды Куницын, струился за спиной, словно след из шелка и магии.

— Люблю раннее утро, сонный народ обычно говорит, что думает, — задумчиво пробормотал он своему напарнику.

Над головой описал круг серый голубь Пыж.

— В городе гудят, шеф! — гукнул он, садясь на фонарь. — Все перешёптываются про вспышку над куполом. Одни говорят — молния, другие — прорыв.

— А третьи, наверное, винят студентов из Академии алхимии, — усмехнулся Лисиус.

Он остановился у широкой двери с надписью «GARO EXPRESS». Массивные буквы отливали янтарём — фирма доставляла всё: от писем до контрабандных посылок.

— Пора побеседовать с хитроносым Гаро, — сказал Лисиус, поправляя перчатки. — Если кто-то и знает, что пролетело под куполом ночью, то только он.

Дверь со скрипом открылась. Изнутри пахло перьями, чернилами и бумагой. Гаро стоял посередине зала и что-то бурчал курьерам.

— Лорд Лисиус! — воскликнул гусь, мгновенно выпрямившись. — Какая честь! С чем пожаловали?

— С долгом, — ответил Лисиус, не снимая шляпы. — Государственным долгом. И, боюсь, разговор у нас будет не из лёгких.

Гаро сделал пас рукой и пригласил законника в свой кабинет.

Пыж приземлился на подоконник, притих, вытянув шею. Лисиус медленно достал письмо с печатью Канцелярии.

— Вы, Гаро, в ночь принимали воздушные грузы?

Гаро моргнул.

— Воздушные? Да вы шутите, кто может пролететь сквозь купол?...

— Не я, а кто-то из ваших пошутил, — перебил Лисиус мягко. — Купол не ошибается, Гаро. Он фиксирует всё, что пересекает его границу. И этой ночью кто-то пересёк.

Гаро нервно сглотнул, складки на шее дрогнули, по виску потекла предательская капля пота.

— Лорд Лисиус... я... думал купол никого не пропускает, и я не могу знать всё, что делают мои курьеры.

Лисиус наклонил голову, словно вежливо соглашаясь.

— Значит, это все таки ваши курьеры, — Лисиус слегка прищурился, сделав вид, что смотрит не на разжиревшего Гаро, а куда-то за его плечо — туда, где в свете окна пылинки кружились, собирая доказательства, ещё не пойманные за хвост.

— Ах, Лорд канцлер, вы всегда так остроумны! Я говорил в смысле образном, конечно! У нас ведь курьеры летают, приходят, уходят Птицы свободные, знаете ли.

— Рад, что мы всё-таки сузили круг подозреваемых, — повторил Лисиус дружески, будто между делом. Свободные, но с вашей печатью на сумках, — напомнил Лисиус. Он вынул из внутреннего кармана фотографию — старую, слегка помятую, пролежавшую в архиве лет десять, но на ней отчетливо виднелся логотип «GARO EXPRESS» на сумке. — Забавно, но этот логотип засекли как раз под куполом в момент сбоя.

Гаро вытянул шею, глядя на снимок, как на приговор.

— Это это совпадение. Или подделка. Или голубь, сэр! Да, голуби тоже летают с сумками!

— Голуби не поднимают в воздух ничего тяжелее письма и пересекать магические границы, им без надобности — вежливо возразил Лисиус. — А вот ваш курьер где он, Гаро?

Лорд подошёл ближе, чуть склонив голову, как будто собирался поделиться секретом.

— Гаро, вы же не хотите, чтобы Магистрат решил, будто вы потеряли контроль над своей конторой? Это ведь удар по репутации. По бизнесу. По перьям.

Гаро сглотнул. Покраснел ещё больше.

— Ну предположим, я что-то слышал, — произнёс он осторожно. — Но, сэр Лисиус, вы же знаете, слухи!

— Слухи — это информация, которой ещё не нашлось доказательств, мягко сказал Лисиус.

Он снял перчатку, достал блокнот и перо.

— Так вот, Гаро. Я — ваш единственный шанс.

Лисиус молча наблюдал, как Гаро нервно протер шею носовым платком и приосанился, будто собирался поведать государственную тайну.

— Я, кхм кое-что, пожалуй, знаю, — начал он с видом человека, который вот-вот совершит героический поступок. — Буквально вчера ко мне, представьте себе, заявила Выдра. Та самая, из Тёмных земель от мадам Пауки, — он заговорщицки понизил голос, будто вокруг могли быть стены с ушами.

— Говорит, есть у неё клубок шерсти. Не простой, магического свойства. А всем известно, что мадам Паука прядет шерсть со стриженных оборотней. И надо, мол, доставить в лабораторию мастера Мяо на экспертизу.

Лисиус чуть приподнял бровь.

— И вы, конечно, отказались?

— Разумеется! — возмутился Гаро с обидой, почти искренней. — Я же законопослушный предприниматель! Я ей сказал, что слишком стар для такой сделки, не успел моргнуть, как Выдра удалилась.

Гаро глубоко вздохнул, открыл свой ящик и достал кожаный кошель с орнаментом Средних земель, или как говорят местные жители — Средиземья и положил на стол. Он развёл руки, театрально вздохнул и добавил тоном невинного философа:

— Но вы же понимаете, лорд Лисиус если Мадам Паука что-то не получает, то потом пропадают люди. А у меня сын и племянник. Последний, кстати пропал. И про товар, я не в курсе.

Лисиус наклонил голову, хищно прищурившись:

— Значит, всё-таки взяли шерсть?

— Я не в курсе! Племянник Гоша пропал! — быстро отмахнулся Гаро, но глаза его блеснули, словно он только что похоронил близкого.

Лисиус поднялся из-за стола Гаро, будто уже всё понял, но, как водится, оставил собеседника гадать — какие будут последствия.

— Благодарю за... сотрудничество, — сказал он, как врач, отпускающий пациента после неутешительного диагноза.

— Гошу, вашего будем искать. Потрудитесь предоставить его изображение. И вот это, я заберу с собой.

Лорд Лисиус забрал кошель, и поспешил удалиться.

На улице утро уже переливалось бликами на черепичных крышах, а из переулков тянуло свежим хлебом и слухами — две вещи, ради которых сэр Лисиус любил прогуливаться по Птичьему базару.

— Пыж, — негромко позвал дознаватель.

— Дождись изображения Гоши. И послушай Базар, мост, торговую площадь. Особенно этих... что придут с товаром с той стороны.

— Как обычно, тихо и неприметно — уточнил Пыж, и уголок клюва изогнулся в усмешке.

— Если заметишь Выдру. «Код красный» Усыпляй на месте. И вызывай патруль. Только наш, а не городской.

— Принял, Лорд канцлер.

Глава 10

ПАПА, я тебе сейчас такое расскажу!

Я ворвалась к отцу без стука, потому что после трёх листов в двух экземплярах подробнейшего отчёта о заговоре, подмене, Песе, королеве и собственном чудесном спасении через вентиляцию, было не до стука. Я еле дождалась утра!

Он стоял у стола, и как раз застёгивал дорожный плащ. Не тот, в котором ходят по центральным улицам Лонгриона. А тот самый, рабочий. Короткий, тёмный, удобный, в котором папа едет кого-то арестовывать, либо либо.

Я даже не стала начинать издали. Просто положила перед ним сложенные листы.

— Это государственно важно, код красный, — сказала я.

Отец посмотрел на меня, потом на бумаги, потом снова на меня. Ничего не спросил. Просто кивнул и взял их.

Вот за это я его и люблю. Другой бы начал с «что опять», а он сразу понял: если я сама написала три листа подряд и не устроила истерику по дороге, значит, дело действительно серьёзное.

Он сунул отчёт во внутренний карман, и мне это не понравилось.

— Так, — сказала я, прищурившись. — А ты куда собрался?

— По делу, — спокойно ответил он.

— Папа, я имею право на детали.

Он потянулся за перчатками. Вдохнул и решил всё-таки ответить.

— В Тёмные земли.

Я моргнула.

— Это из-за купола, да?

— Не только. Кажется магистрат забыл ради чего он существует.

— Я с тобой.

Отец даже не обернулся.

— Нет.

— Почему это сразу нет? Ты ещё даже не выслушал мои аргументы.

— Потому что я их знаю заранее.

— А я, между прочим, могу быть полезна.

— Именно это меня и беспокоит.

Я уже открыла рот, чтобы начать нормальный, содержательный спор с переходом на угрозы, шантаж и дочернее обаяние, но тут взгляд зацепился за край его стола.

И всё.

Мир на секунду сдвинулся.

На столе лежал кошель.

Простой кожаный кошель, если не смотреть внимательно. Но я смотрела внимательно. Я вообще, когда хочу, очень наблюдательная. Особенно если речь идёт о красивых незнакомцах, подозрительных обстоятельствах и вещах, которые не должны здесь лежать.

Я шагнула ближе.

Потом ещё.

— Подожди.

Отец уже натягивал перчатку и не сразу понял, о чём я.

Я протянула руку, взяла кошель и медленно повернула его в пальцах.

— Нет.

Сердце у меня ухнуло куда-то вниз.

— Нет-нет-нет.

— Что? — заинтересованно спросил он.

Я уставилась на него во все глаза.

— Это его кошель.

Отец молчал. Ожидая продолжение.

Я перевела взгляд обратно на потёртую кожу, на обрезанный шнурок, на металлическую застёжку, на характерную вышивку средиземья.

— Папа, это кошель одного парня с моста. Он пытался пройти границу два дня назад.

Он чуть нахмурился.

— Какого парня? И почему не прошел?

— Того, которого я видела у таможни! Высокий, красивый, со струнным инструментом. Четыре струны! — Я уже говорила слишком быстро, но остановиться не могла. — У него волосы золотистые, волнистые, и в них одна сторона с чёрными прядями, вот прямо одна, как будто кто-то специально провёл кистью по волосам и испортил идеальную картину. И ботинки! У него были такие ботинки, что я на них смотрела дольше, чем прилично воспитанной девушке. И очень захотела такие же. Высокие, на шнуровке, дорогие, не просто «добротные», а такие, в которых можно путешествовать через полмира, либо очень красиво разбивать женские сердца.

Отец посмотрел на меня тем самым взглядом, который говорил: «Лиси, ближе к сути».

— И куртка, — продолжила я уже чуть собраннее, но не сильно. — Тёмная, дорогая, дорожная, но сшита так, что сразу видно — не бедняк. Он вообще выглядел как человек, который идет поступать в университет.

Я подняла кошель выше.

— Как это оказалось у тебя?

Пауза.

Потом, уже тише:

— А вдруг это принс Арлин? А его ограбили или убили

Эти слова дались мне неприятно легко, и от этого стало только хуже.

Отец не ответил сразу. А когда отец не отвечает сразу, это всегда ужасно действует на нервы. Потому что за эти несколько секунд ты успеваешь придумать всё — от тайного ареста до трупа в канаве.

— Папа?

Он медленно одел вторую перчатку.

— Я не знаю, — сказал он.

Я выдохнула так резко, что сама испугалась.

— Слава всем богам.

И тут же снова нахмурилась.

— Тогда как его кошель здесь оказался?

Я положила его на стол, но руку не убрала.

— Я же видела. Стражник его остановил. Начал, как обычно, с вопросов, потом Собакен смеялся, а потом даже денег с парня не взял. А просто развернул его обратно. И не пустил в город.

Отец смотрел на меня молча.

Я начала ходить по кабинету — быстро, по дуге, как всегда, когда мысли не помещаются в голове и срочно требуют пространства.

— Я часто это вижу, понимаешь? Не один раз. Не два. Они там стоят и собирают деньги так, как будто мост принадлежит лично им. Люди платят по пять золотых. Иногда и больше. Не малыми, папа, большими. А всем же известно, что нормальная пошлина — два малых золотых. Или двадцать медных. Двадцать — не двести! Даже я это знаю, а я, между прочим, не сижу на мосту с табличкой и счётами.

Я резко развернулась к нему.

— И вот этот парень он вообще не был похож на человека, который начнёт торговаться. Он был — я запнулась, потому что слово «красивый» в такой момент звучало не особенно убедительно. Я нахмурилась.

Отец взял кошель со стола, открыл, проверил что-то внутри, высыпал содержимое в ящик и положил пустой кошель к себе в дорожную сумку.

— А, если его обокрали, он сейчас там ходит голодный? — сказала я с чувством.

Он поднял взгляд.

— Лиси. Я разберусь. И узнаю, что там случилось. Согласно отчетам, в темных землях за последние пять лет не было ни одной кражи или чего посерьезней.

— Отчеты пишут взяточники?

Я подошла ближе к столу и уткнулась ладонями в край.

— Папа, ты же сам понимаешь, что это не просто взятки. Они там вообще уже берега попутали. Сегодня они не пускают красивого парня с гитарой, завтра — кого? Принца? А потом будут удивляться, почему у нас по дорогам ходят нищие, а нормальные люди обходят Лонгрион десятой тропой.

Отец молча застегнул плащ.

Вот тогда я окончательно поняла, что он уже всё решил. И собирается не просто съездить «посмотреть». Нет. Он собирается лично кому-то устроить конец света.

— Лиси, — сказал он, — запри дверь. И никому не открывай, пока я не вернусь. В город не выходи. И слушайся Мурку. Чтобы она тебе не сказала.

— А что мы с Муркой будем есть?

Вот это мне уже совсем не понравилось. Потому что когда отец говорит таким тоном, значит, дело хуже, чем кажется. А я, между прочим, и так уже была в состоянии лёгкой истерики.

— У Мурки есть инструкция на этот счет.

Я открыла рот. Потом закрыла. Потом снова открыла.

— Значит к вечеру ты не вернешься?

Он уже подошёл к двери.

— Не уверен. Но Пыж будет на связи. И парочку теней за вами присмотрят.

— Папа!

Он посмотрел на меня очень спокойно. Слишком спокойно для человека, который едет в Тёмные земли разбираться с коррумпированной стражей, чужим кошельком, подозрительно исчезнувшим красавцем. Ещё и вспышка на куполе. Это он ещё моё донесение не прочел!

Глава 11

Остров Ласки вся команда в сборе

Утро началось с воды.

Сначала я решил, что это водопад. Глухой, ровный звук — будто где-то рядом переливают воду из ведра в ведро. Бездонного какого-то ведра.

Я открыл глаза. Потолок был на месте. Стены — тоже. Значит, мы всё-таки выбрались и действительно спали на белых простынях с подушками и одеялами.

Я медленно сел, провёл ладонью по лицу и прислушался. После водоворота и светопредставлений, где всё ревели и трещало, сейчас кажется как-то тихо.

Рядом на кровати у окна лежал Вомби. Я бросил на него взгляд и не стал трогать. Если спит — повезло. Если нет — сам всё решит. Вода перестала течь. И сразу навалилась тишина.

Дверь скрипнула. В проёме появился Гоша.

Выглядел он так, будто ночью не отдыхал, а пытался догнать вчерашний день. Волосы мокрые, рубаха накинута на плечи, взгляд — потерянный. Он вошёл, остановился посреди комнаты и замер.

— Что случилось? — спросил я.

Он повернул голову, будто только сейчас заметил меня.

— Я потерял товар.

Сказал спокойно. Слишком спокойно. Я нахмурился.

— Какой?

— Тот, который должен был перевезти через границу.

Голос у него уже дрогнул.

Я чуть выпрямился.

— И вчера ты его потерял?

Он коротко кивнул. Прощёлся по комнате, резко остановился, снова сделал шаг, будто пытался догнать собственную мысль.

— Он был у меня. В сумке. До столкновения с куполом. О, нет, я кажется сломал купол. Это наверное государственная измена.

Гоша сел на кровать и схватил голову руками.

Вомби приподнялся на локте и посмотрел на Гошу внимательно.

— Что это было? — спросил он.

— Клубок. Пряжа. Шерсть. Я получил его у мадам Пауки, а она очень страшная. Дядя Гаро меня убьёт, когда не получит посылку, потому что он тоже боится мадам Пауку. Мне нельзя летать, меня узнают, мне нельзя домой, меня выгонят из города. Я никчемный северный гусь с дырой в голове. Надо мной не смеются, только ленивые.

— Гоша, ты не потерял товар. Ты перевозил мою шерсть с моей магией. И когда мне грозила смертельная опасность, моё ко мне вернулось.

Я покосился на Вомби. Потом на Гошу. Гоша поднял голову.

— Не может такого быть, магию перевозить строго запрещено, — отрезал Гоша.

— А почему ты тогда летел под закрытие барьера, когда стража не контролирует границу? — спросил Вомби.

— А почему вы оказались под закрытие барьера в воде? — Вопросом на вопрос ответил Гоша.

Он провёл рукой по волосам и уже не пытался скрыть, что начал догадываться.

— Ну, нас обворовали и выбросили на обочину жизни. Перейти в Лонгрион по мосту мы не смогли и решили сделать это нелегально, — спокойно ответил я.

Теперь это прозвучало иначе. А я смотрел, как меняется у Гоши настроение.

— Тогда моё положение ещё хуже, чем я думал, — меня точно посадят на остров вулкана, копать руду. Не думал я, что дядя меня так подставит.

Он посмотрел на меня.

— О Мадам Пауке вообще ничего хорошего не слышал. А то что слышал, выглядит, как детские страшилки. Но теперь меня будут искать королевские орлы и тени тайной канцелярии.

— Я же не смогу обернуться! Меня сразу опознают!

— Это понятно, ты сильно отличаешься от местных гусей — сказал Вомби.

— Я посмотрел на Гошу, его красивые черные волосы были перехвачены лентой. Его звериная форма — гусь был серым с черной шеей и белым подбородком, других представителей его расы я не видел.

— Я могу создать иллюзию черного лебедя, — тихо ответил Вомби.

— А белого можешь? — в Лонгрионе все гуси белые.

Я чуть наклонился вперед. Гоша сделал стойку охотника.

— Гоша, так откуда ты тогда летел?

— С северных земель конечно, мы с папой перелетные были. Спецы по дальним расстояниям.

Гоша сначала выпятил грудь, потом сник. Вспомнил вдруг о Затем застегнул красивую рубашку почти на все пуговицы.

— А, как иллюзия будет держаться, когда Гоша взлетит? —я решил резко сменить тему, чтобы Гоша не прокручивал в больной голове тот злополучный день и гибель его семьи.

Вомби посмотрел на дверь, на окно, словно проверяя, не стоит ли кто-то снаружи. Перекинулся в большого гладкошерстного и очень белого зверя, похожего на наших кунит, и сразу схлынул обратно в человека. И опять мне показалось, что его волосы намного белее, чем он хочет нам показать.

Затем глянул на мой дорожный мешок. И кивнул на него.

— Есть что-нибудь металлическое?

Есть ли у сына кузнеца что-то металлическое? Дружище, да у меня всё металлическое.

Я не долго думая взял и высыпал всё содержимое на свою кровать. Ребята подтянулись и начали разглядывать мои сокровища.

Набор гаек и винтиков, разного размера. Маленький молоток с железной головкой. Шипцы (самая дорогая вещь во всем рюкзаке). Шило и толстая игла, Складная ручная пила. Универсальный нож. Пружины разной жесткости. Кусок железной цепи, тяжелая зараза, но её можно переплавить. Поэтому терплю. Флакон с маслом. Алхимический мешочек. Тетрадь со схемами и чертежами. Кусок угля и мел. Легкие рабочие штаны с рубахой. Тонкая верёвка, из конопли. Кожаные ремешки, Сухари. Копчёное мясо. Сушеные грибы и недоеденная банка с медом.

Была ещё сменная одежда, но я поделился ею с Вомби.

— **Ещё есть медные монеты,** — вспомнил я о футляре с укулеле.

— Отлично, медь лучше всего. Ты можешь сделать в монете отверстие для нитки?

Я махнул головой, прикидывая где могу разогреть шило. Получалось, надо спросить главную Леди Ласку.

— Магией иллюзии владеют только правящий род Лонгриона — ты же не рыжий лис, Вомби, — тихо пробормотал Гоша, внимательно глядя в лицо моего второго друга.

Я перевёл взгляд с Вомби на Гошу. Который не выглядел сейчас ни легкомысленным, ни глуповато-веселым. Не убийственно расстроенным.

Вомби ничего не сказал. Я вообще стоял под впечатлением от таких метаморфоз.

— Еще Лорды Северных земель, — задумчиво произнес Гоша.

Вомби встал, взял полотенце со спинки кровати и пошел в ту, самую комнату. Откуда вышел Гоша и откуда лилась вода. А тетушка Ласка называла это место удобства. Потом посмотрю. Что это за удобства такие. А сейчас, я внимательно посмотрел на Гошу.

— Гоша, что произошло? Вот прямо сегодня? И зачем ты цепляешься к Вомби?

— Да, мутный он какой-то.

— А ты каким бы был, если бы я тебя не подобрал в тех кустах? Ты бродил бы по лесу больным и голодным, не понимая где друг, а где тот охотник что в вас стрелял? Так вот ему в беде никто не помог. И чтобы выжить, Вомби научился прятаться и мимикрировать под обстоятельства. Не лезь к нему.

Гоша задумался, махнул рукой и продолжил рассматривать мои пожитки.

— Прости, я не подумал.

— Тебе у него прощение надо просить. Это его магия не дала нам попасть под завесу. И это ему сейчас мы с тобой должны быть благодарны за спасение.

— Ты повзрослел, Фаро.

— Мы не виделись пять лет, это естественно.

Рыба наше всё. Если найти к рынку правильную дорогу

И вышли мы на причал — бодрые, как после чужой кровати и бесплатного завтрака, которого, кстати, ещё не было. А я еще под впечатлением от водопровода.

Картина — странная.

Стоят рыбаки и рыбачки. Ровно так стоят, будто кого-то хоронят. Перед ними — корзины, полные рыбы. Уже почищенной, аккуратно уложенной. Надо же пока мы спали эти работы и поймали и почистили и вот стоят, ждут, как будто её сейчас заберут вот-вот.

Но никто не забирает. И все смотрят в море.

Я остановился. Вомби — рядом, спокойный, как всегда, и слишком неприметный.

Гоша вытянул шею и уставился туда же, куда и все.

— Ну и? — пробормотал он. — Мы тоже стоим и смотрим, или поможем чем?

Я ждать не стал. Подошёл к Леди Ласке — крепкая она такая в утреннем свете, с сильными руками, которыми ночью нас на берег вытянула.

— Кого ждём?

Она не сразу ответила. Потом перевела на меня взгляд — усталый, злой.

— Очевидно лодку. Норки забирают у нас рыбу, привозят хлеб с мышиного и овощи с заячьего.

— И?

— Второй день в полете. Они без рыбы, мы без хлеба. Вчерашний улов мы нажарили, ухи наварили, Чи своим восточным методом солью пересыпала и на верёвку, как бельё повесила. Никогда столько рыбы у нас не оставалось. Ну хоть поели от пуза.

Я посмотрел на корзины. Рыба выглядит прекрасно но это ненадолго. Вспомнилась вонючая работа по отмыванию бррр не хочу такого.

— И что, никто другой доставить до островов товар не может?

Она усмехнулась.

— Может. Только мы пока не нашли кто.

Гоша тихо присвистнул.

— И сколько у вас времени?

Она кивнула на рыбу.

— Пару — тройку часов.

Вомби наклонился, внимательно разглядывая корзины, будто там был скрыт какой-то ответ.

— Рыбу можно солить прямо в бочке. Еще коптить на углях. И сушить на солнце. Если что, я видел как это делают на Севере.

— Откуда на Севере солнце? — резко бросила она.

Я переглянулся с Вомби. Он — со мной. Гоша уже начал ходить кругами. Я пнул носком ботинка, который ещё не до конца высох, край корзины.

— А, вам разрешено плавать в своей звериной форме? — спросил я.

Леди Ласка бросила на меня острый взгляд. И побежала в сарай, где они рыбу разделывают.

И вот тут стало по-настоящему интересно. Мы переглянулись и остались ждать, продолжения.

Она принесла сетки. И командовала своим работникам, перекидываться. Никогда не видел такого одновременного массового схлынивания.

Дальше нам с ребятами пришлось отойти. Люди складывали рыбу в сетки и раздавали ласкам и выдрам, а они уходили по маршруту к другим островам.

— Эх, жаль до драконьего острова не доплыть. Они единственные золотом платят. А нам это очень нужно. Да и оставлять самых честных и преданных людей без рыбы не хочется.

— А как же хлебушек? — Простонал огромный детина.

— Я могу доставить десять килограмм рыбы на драконий остров. А потом забрать ваш хлеб.

— Гуси не летают с рыбой в лапах. И ты, Гоша достаточно знаменит своей непроходимой тупостью. Ты просто не найдешь, — вздохнула Ласка

— Не знаю, что случилось ночью, но в голове у меня сейчас достаточно светло, чтобы долететь даже до замка Северных горностаев, тетенька Хитрюга.

Ласка посмотрела на Гошу очень внимательно, вздохнула, и обняла Гошу

— Ты уж прости меня старую, не хотела тебя обидеть, навалилось на нас много.

Леди Ласка взяла плетеную корзину и запаковала в нее тунца, прикрыв какими-то широкими листьями. Гоша обернулся, Вомби повесил ему на шею амулет и перед нами возник лебедь — подросток. Бело-серого оперения. Белым, Вомби сделать никого не мог. Но так даже проще. Ведь Лебедь взрослый намного больше гуся, даже северного.

Гоша взял в лапы груз и взлетел в воздух.

— На центральные острова не залетай, лети над водой вдоль границы на остров с вулканом, следующий от него будет драконий. Удачи тебе парень.

Всё произошло так стремительно, что матушка Хитрюга не сказала Гоше, сколько стоит эта рыба. Я хотел было открыть рот, но меня опередили.

— Мы отдаем рыбу Норкам за десять процентов от ее рыночной стоимости. Сколько платят драконы за эту рыбу я не знаю. Но драконы нас не обижают.

Я тут же прикинул, что в теории надо самим торговать на рынке. Значит надо прилавок, и еще можно использовать наш плот — загрузить его рыбой и плыть, толкая плот в нужном направлении. Так, надо плести стенки для плота. Уж корзины я плести умею.

— А ты настоящий бард? — спросила у меня маленькая девочка в брюках и рабочей жилетке.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.